

Александр Валентинович Амфитеатров

Дьявол

Александр Амфитеатров

Дьявол

«Public Domain»

1905

Амфитеатров А. В.

Дьявол / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1905

«Все́м известен поэтический миф о возмущении и падении ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов – из числа прекраснейших в «Аде», а Мильтону – незабвенный эпизод «Потерянного Рая». В христианстве миф этот разными отцами и учителями церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исайи и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключалась точная причина к бунту духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разно в подробной мотивировке. В одном из общеизвестных мест Корана говорится, что ангелам было поведено преклониться пред Адамом, наместником Аллаха на земле, но Эблис (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтичный и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах или сынах божьих (*bene haelohim*), которые, увлекшись дочерьми человеческими (*beno haada'm*), пали с ними и, в наказание за грех, были изгнаны из царства небесного и из ангелов обратились в демонов. Этот второй миф освящен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона. Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае – с гордостью или завистью, и с преступную любовью – во втором...»

© Амфитеатров А. В., 1905
© Public Domain, 1905

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Амфитеатров

Дьявол

В быте, легенде и в литературе средних веков.

Глава первая

Родословие и эволюция Сатаны

Всем известен поэтический миф о возмущении и падении ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов – из числа прекраснейших в «Аде», а Мильтону – незабвенный эпизод «Потерянного Рая». В христианстве миф этот разными отцами и учителями церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исаяи и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключалась точная причина к бунту духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разны в подробной мотивировке. В одном из общеизвестных мест Корана говорится, что ангелам было поведено преклониться пред Адамом, наместником Аллаха на земле, но Эблис (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтический и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах или сынах божьих (*bene haelohim*), которые, увлекшись дочерьми человеческими (*beno haada'm*), пали с ними и, в наказание за грех, были изгнаны из царства небесного и из ангелов обратились в демонов. Этот второй миф освящен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона. Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае – с гордостью или завистью, и с преступною любовью – во втором.

Но это лишь легенда, а не история Сатаны и товарищей его. Происхождение Сатаны, рассматриваемого как мировое олицетворение злого начала, гораздо менее эпическое и вместе с тем более давнее, глубже уходит в века. Сатана старше годами всех могущих и страшных богов, память о которых осталась в истории человечества. Он не с неба низвергся, но взвился выпреть из бездн человеческого духа, в современности тем темным богам древнейших эпох, чьих имен не напоминает даже ни один камень: люди пережили их и забыли их. Современник их и часто смешиваемый с ними Сатана, как все живое, зачинается зародышем и лишь постепенно возрастает и развивается в личность. Закон эволюции, управляющий всеми бытиями, движет также и Сатаной.

Уже никто из мало-мальски образованных научно людей нашего века не думает, будто религии сравнительно грубого типа возникли из разложения и распада какой-либо религии более совершенной, напротив, всякий отлично знает обратное: что более совершенные религии развились из первобытно грубых, и, следовательно, в этих последних и надо искать происхождение того мрачного образа, который, под различными именами, представляет собой зло и становится его началом. Если период, известный в истории нашей планеты под именем третичного, уже застал на земле человека, то, возможно думать, застал еще настолько звероподобным, что напрасно было бы искать в нем религиозного чувства в точном смысле этого слова. Человек после третичного периода, даже в самой древней отдаленности, уже знаком с огнем и употребляет орудия из камня. Но он не погребает своих мертвецов, что служит верным показателем того, насколько его религиозные идеи, если только есть они у него, скудны и неповоротливы. Чтобы найти первые достоверные следы религиозно-

сти, надо подняться до периода, который геологи называют, неолитическим (шлифованного камня). Мы не можем узнать непосредственным исследованием, какова была религия наших тогдашних предков, но мы в состоянии сделать о ней заключение, наблюдая религии множества диких народностей, которые еще живут на земле и точно воспроизводят быт человечества доисторического. Ведь, с более широкой точки зрения, характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившее итальянцев сказать: «Весь мир есть страна» (*tutto il mondo è paese*)... «При сравнениях рас, стоящих приблизительно на одной степени цивилизации, не следует, – говорит Тейлор, – придавать большого значения исторической эпохе или географическому положению, обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом, со средневековыми ацтеками и североамериканские оджибвеи рядом с южноафриканскими зулусами. Доктор Джонсон, прочитав в путешествиях Гауксворта описание патагонцев и островитян Тихого океана, презрительно выразился, что все дикие племена похожи друг на друга... Если мы будем избирать для сравнения предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский землевладелец будет стоять рядом со среднеафриканским негром». Предшествовал ли в исторической эволюции фетишизм анимизму или наоборот, но верования наших праотцев должны были быть совершенно в том же роде, как теперь у негров африканских или у американских краснокожих. Об этом нам свидетельствуют недра, земли, сохранившиеся, вместе со следами их жилищ, их оружием и инструментами, так же и их амулеты. В их воображении мир был полон духами вещей и душами умерших, и на счет духов относилось все, дурное и хорошее, что случалось в жизни. Мысль, что одни из этих духов благодетельны, а другие зловредны, одни друзья, а другие враги, подсказывал уже самый опыт житейский, в котором постоянно чередуются удачи и потери, и притом чередуются так выразительно, что, если не всегда, то довольно часто определяется постоянство и в разнице причин, преследуемых разными результатами. Солнце, свет дающее, заставляющее весной землю вновь одеваться зеленью и цветами, посылающее зрелость плодам, должно было привести к умозаключению, что оно, по существу своему, сила благотворная. Вихрь, кроющий небо мраком, ломающий деревья, разрушающий и разметывающий худо сколоченные лачуги, внушал считать его силой, по существу зловредной. Духи разделялись на два больших воинства, в зависимости от того, казалось ли людям, что они получают от духов – пользу или вред.

Но не этим определился истинный и решительный дуализм. Благотворные духи не были еще объявленными и непримиримыми врагами духов зловредных, и первые не были всегда благодетельными, так вторые – всегда вредными. Верующий никогда не мог поручиться за настроение духов, под опекой которых он находился; боялся оскорбить друзей, боялся разозлить врагов, и, в равном усердии одинаковых средств, старался расположить к себе всех их, не веряясь слишком – никому. Первобытная религия уже признает влечение к какой-то властной силе большей, чем человеческая, равно как и свою от нее зависимость, но не умеет классифицировать ее по этическим категориям. Между добрыми и злыми не было определенного морального противоречия, не только противоположение действий. Они не могли иметь морального характера, которого еще не было и у их поклонников, едва вышедших из животного состояния, и добрыми или злыми называться могут лишь постольку, поскольку первобытному человеку представляется добром все, что ему на пользу, и злом все, что ему во вред.

То, что в наши дни называется бушменскою моралью: я украл барана, – это хорошо, и дух, который мне помог украсть, добрый дух; у меня украли барана, – это худо, и дух, который помог вору воровать, – злой дух. Так, например, по представлениям грубого бразильского племени Тупигамба, души тех, которые жили *добродетельно*, то есть мстили врагам и многих из них умертвили, поселятся за большими горами и будут плясать в роскошных садах с душами отцов, тогда как души изнеженных ничтожных людей, которые не старались

защитить свое племя, отправятся к злему духу, на вечные мучения. Дикие поклонники изображали свои божества во всем подобными себе: переменчивыми, покорными страстям, то ласковыми, то свирепыми, и добрых не почитали более высокими и почтенными, чем злых.

Конечно, в злых появляется уже тень Сатаны, вырисовывается дух зла, но зла еще чисто физического. Зло – то, что вредит, и злой дух – тот, который низвергает, молнию, воспламеняет вулканы, наводняет землю, сеет голод и болезни. Злой дух еще не выработался в представление морального зла, потому что различие морального добра и зла еще не сложилось в умах человечества; из двух ликов Сатаны, разрушителя и развратителя, он приемлет и являет только одну первую. Злой дух не отмечен еще своею собственной, специальной низостью, не имеет никого, кто был бы выше его и господствовал над ним.

Но мало-помалу моральное самосознание разбирается в себе и определяется, и религия приобретает этический характер, которого она раньше не имела и не могла иметь. Самое зрелище природы, где силы противостоят силам и где одна из них разрушает то, что создает другая, подсказывает идею о двух враждебных началах, которые взаимно отрицают друг друга и борются между собой. Затем человек, развивая союз общежития, не замедлил заметить, что, кроме добра и зла физических, есть еще добро и зло моральные, то есть сумма требований и уступок человека человеку, без которых союз общежития невообразим и неисполним, но которым дикарь подчиняется не сразу и не с большой охотой. И вот, – в эволюции этой – ему сдается, что в себе самом он узнает то же самое двуборение, которое он видит и испытывает в природе. Он чувствует себя то добрым, то злым, понимает, что однажды он лучше, в другой раз хуже, но – собственную благость ли, преступность ли, он не признает за свои, за выражение своей же собственной натуры. Привыкнув приписывать силам божественным и демоническим физические добро и зло, он точно так же приписывает тем же божественным и демоническим силам добро и зло моральные. И вот – от доброго духа исходят уже не только свет, здоровье, все, что поддерживает и умножает жизнь, но еще и святость, понимаемая как совокупность всех добродетелей; от злого духа приходит не только тьма, болезни и смерть, но еще и грех. Так-то люди, разделив чисто субъективным суждением природу на добрую и злую и смешав с этим физическим добром и злом то моральное добро и зло, что самим им свойственно, фабрикуют богов и демонов. Совесть, то есть проснувшееся в зачатках культуры моральное самосознание, естественно, по инстинкту общественности и самосохранения, признает превосходство добра над злом и смутно мечтает о победе первого над вторым. Отсюда она настаивает на том, что демон становится, во-первых, подчиненным богу, а, во-вторых, – чем живее и повелительнее совесть, тем ярче представляет, она недостойность демона. И вот, демон, который в первом начале своем смешивался с богом в одном разряде нейтральных духов, одинаково способных как на добро, так и на зло, мало-помалу различается от бога, пока, наконец, не отторгается от него во всем. Он будет духом тьмы, а его противник – духом света; он – духом ненависти, а его противник – духом любви; он – духом смерти, а его противник – духом жизни. Обителью Сатаны будет бездна, обителью бога – царство небесное.

Так устанавливается и определяется дуализм. Так его понятие, в медленной работе веков, развивается из понятий, усвоенных людьми о природе и самих себе. Однако намеченная здесь история дуализма является лишь, так сказать, схематической и идеальной, но не конкретной и реальной. Дуализм, развитый или в зачатке, выраженный или подразумеваемый, находится во всех религиях. Но он движется по разным ступеням, принимает многие формы, скрашивается пестрыми особенностями в зависимости от различия народов и культур.

Мы видели, что злые духи появляются уже в самых грубых религиях, еще едва различаемых; но там они плохо определены и, как бы разлиты в природе. В более возвышенных религиях, по мере того как организм их расширяется и завершается, злые духи являются с

большей определенностью, приобретают известные атрибуты и личность. Из великих исторических религий наиболее отдаленные, но и сравнительно достоверные сведения мы имеем о религии древнего Египта. В ней божествам благодетельным, подателям жизни и благоденствия, каковы Фта, Ра, Аммон, Озирис, Изиды, противопоставляется змей Апеи¹, чудовищный Сэт, опустошитель, сокрушитель, отец обмана и лжи. Финикийцы противопоставили Ваалу и Ашере Молоха и Астарту. В Индии жизнедавец Индра и хранитель Варуна получили противниками Вритру и Асуров, и дуализм проник даже в основную Троицу (Тримурти). В Персии Ормузду, который царствует в светлом небе, противопоставлен непримиримый противник Ариман, который повелевает подземным миром. Один равнозначущ свету, истине, благу, другой – мраку, лжи и вырождению. Один повелевает благодетельными гениями, которые защищают, благочестиво верующего, другой – демонами, злоба которых вызывает все несчастия, поражающие человечество. Оба противоположных начала сражаются за господство над землей, и каждое из двух натворило в своих целях полезных и вредных зверей и растений. Таким образом, все здесь на земле – или небесное или адское. Ариман и его демоны, которые опутывают человека, чтобы ввести его в искушение и ему повредить, это злые боги, но не зависимые от тех, которые образуют дружины Ормузда. Маг приносит им жертвы, затем ли, чтобы отклонить зло, которым они угрожают, затем ли, чтобы направить их против врагов истинно верующего. «Потому что нечистые духи устремляются к кровавым жертвам и являются, чтобы насладиться паром мяса, которое сжигается на алтарях. Страшные слова и действия сопровождают все подобные жертвы» (Cumont). В Греции и Риме, в противовес божествам Олимпа, впрочем, тоже не всегда благодетельным, возник целый народ злых гениев и вредных чудовищ, – тут и Тифон, и Медуза, и Герион, и Питон, лукавые демоны всякого рода, лемуры и ларвы. Точно так же обнаруживается дуализм в мифологии германской, славянской и, вообще – во всех и каждой.

Ни в одной из религий древних и новых не достигал дуализм формы более полной и ярко выраженной, чем в маздеизме, – то есть в религии древних персов, как излагает ее Зенд-Авеста. Но замечается он во всех, и, равным образом, во всех религиях возможно, по крайней мере, отчасти, обличить его связь с великими явлениями природы, с чередованием дня и ночи, со сменой времен года. Различные представления, образы фантазии, события, в которых дуализм находит форму и выражение, отражают не только характер и культуру народа, дающего ему место в системе своих верований, но также и климат, природные условия почвы, ход истории. Обитатель жаркой страны видит действие злого духа в ветре, дующим из пустыни, раскаляющем воздух и убивающем хлеба, тогда как обитатель северной полосы узнает беса в холоде, который замораживает жизнь вокруг него, и самому ему угрожает смертью. В местностях, где почва колеблется частыми землетрясениями, где вулканы изрыгают пепел и опустошительную лаву, человек легко воображает себе подземных демонов, злобных гигантов, погребенных под горами, отдушинами в ад; там же, где атмосфера часто волнуется бурями, он воображает, будто это демоны носятся по воздуху и воют на ветер. Народ, побежденный неприятелем, подвергшийся нашествию и порабощению, не упустит

¹ В образе великого змея Апеи или, правильнее Апапа, египетская мифология олицетворяла тьму, мрак, против которых солнце в образе Ра или Гора должно бороться и победить его, прежде чем взойти на востоке. Ежедневная небесная битва против гиганта Апапа и его поражение являются постоянным сюжетом изображений на могилах и саркофагах восемнадцатой и следующих за ней династий. 29 глава Книги Мертвых посвящена этому бою, временем для которого полагается седьмой час ночи, когда змей Апап получает смертельную рану. Этот змей является также символом засухи и бесплодия. Роль, которую играл он в египетском культе, должна была быть очень большой и сложной, судя по тому, что на одной деревянной стене флорентийского музея указывается, будто бы за семь столетий до Рождества Христова было известно 70 книг, написанных о змее Апапа. По большей части змей Апап изображается умирающим от вонзенных в него многочисленных кинжалов, либо окованным тяжкими цепями, либо угрожаемым от разных могущественных божеств светлого порядка от Тума, олицетворяющего собой ночное солнце, то есть солнце зашедшее, предполагаемое живущим за горизонтом (Lanzone).

случая перенести на злого духа или на злых духов, в которых он верит, наиболее ненавистные черты народа-угнетателя. Так, например, на заре средних веков объявлены были детьми дьявола гунны. Так-то религия оказывается результатом сложного взаимодействия причин, которые, конечно, не всегда поддаются точному исследованию и определенному указанию. У греков, как и у римлян, не было Сатаны в нынешнем значении слова. Как будто странным кажется, что народы, обожествившие множество отвлеченных понятий, напр. юность, согласие, целомудрие, позабыли выдумать настоящее божество и величество зла, хотя сочинили богиню Лихорадку и других в том же роде. Однако и в греко-римской религии нет недостатка в силах антагонистического характера и образах, имеющих вид как бы раздвоенный, и, если мы несколько углубимся в характер, условия быта и историю обоих народов, то станет ясно, что у них дуализм и не мог принять размеров, значительно отличных от тех, которых он достиг. Между прочим, – примите во внимание хотя бы уж то обстоятельство, что ни в Греции, ни в Риме не было священных книг установленной морали, не было теократического кодекса в полном смысле слова. Все это пришло в эллино-римскую культуру поздно – лишь с восточными влияниями, с культом Митры, с дуализмом, христианством, когда по выражению римского поэта, сирийский Оронт начал впадать в Тибр. И, вместе с сирийским Оронтом, полилась в мир, концентрированный вокруг великого города на Тибре, определенная и побеждающая дуалистическая струя. «Несомненно, что дуализм, если понимать под этим именем противоположение между духом и материей, разумом и чувственностью, явился уже раньше в греческой философии и образует одну из законоположных стезей неопифагоризма и Филонова учения. Но существенно отличает от этого дуализма учение магов то обстоятельство, что в последнем злое начало обожествлено высшему божеству в качестве соперника, с утверждением, что обоим принадлежит чествование посредством культа. Эта система, нашедшая столь очевидно простое разрешение для проблемы существования зла, этого подводного камня теологического мышления, привлекла к себе образованные умы, равно как понравилась и массам, которые нашли в ней объяснения своим страданиям. Как раз в то самое время, когда в Риме распространяются мистерии персидского Митры, Плутарх излагает дуалистическую теорию весьма благосклонно и склоняется к тому, чтобы ее принять. И с этого самого времени мы начинаем встречать в литературе термин «противобогии» (antitheoi); он обозначает тех демонов, которые, находясь под командой мрачной силы, воюют против небесных духов, посланников или «ангелов» высшего божества. Это девасы Аримана против язатасов Ормузда. Одно замечательное место у Порфирия показывает, что уже первые неоплатоники включили персидскую демонологию в свою систему. Ниже высшего божества, которое бесплотно и невидимо, ниже легких планет живут бесчисленные демоны; многие из них имеют свои особенные имена, – это боги наций и государств, – остаток образует анонимную массу. Они распадаются на два полярно противоположные класса. Одни духи благодетельные, они посылают плодородие растениям и зверям, хорошую погоду природе, человеку – знание. Они служат посредниками между божествами и их служителями через то, что возносят хваления и молитвы на небо, а с неба приносят знамения и предсказания. Наоборот, другие суть злые духи: живут в пространствах, смежных с землей, и нет такого зла, которое они усомнились бы причинить. Деятельные насильники, коварные предатели, буйные и предусмотрительные вместе, они родоначальники всякого несчастья, постигающего землю: засух, голодов, бурь, землетрясений, – все это их дела! Они зажигают в сердце человека нечестивые страсти и запретные желания, они толкают людей к войнам и революциям. Вечные притворщики, они имеют склонность ко лжи и обману; они покровительствуют плутовствам и мистификациям волшебников и устремляются к кровавым жертвам, которые приносят маги им всем и, в особенности, их предводителю Ариману. Культ его до сих пор сохранился на востоке у йезидов или поклонников дьявола. И, когда Федор из Мопсуэтии в своем писании против магов говорит об Аримане, он называет его

Сатаной. В самом деле, между этими двумя образами, на первый взгляд, замечается поразительное сходство. Оба они главы бесчисленного воинства демонов. Каждый из них дух заблуждения и лжи, мрака, искустель и погубитель. Это – или двойники, либо одна и та же фигура» (Cumont).

Дуализм выливается в определенные формы и принимает специальный характер в религиях семитического происхождения: иудействе, христианстве, ислализме. Зыбкий, многообразный, всепроницающий призрак Сатаны, под теми или другими именами, скользит тенью в глубине всех религий, даже самых первобытных, но личность Сатаны, со всеми свойственными ему ныне качествами и атрибутами, создалась творчеством по преимуществу иудейской и христианской религий, в особенности же второй из них.

В моисеевском учении Сатана еще не занимает видного места. Это, по остроумному сравнению Артуро Графа, его отрочество или юность, далекие до совершеннолетия. В книге Бытия змей является, еще животным, – только мудрейшим и хитрейшим из животных: в дьявола обратило его позднейшее толкование. На протяжении всего Ветхого Завета Вельзевул упоминается только в качестве божества идолопоклонников. При этом надо заметить, что евреи пришли к идее единого всебожества поздно, и в течение довольно долгого времени, измеряемого сотнями лет, их однобожие сводилось просто к предпочтению своего национального бога, синайского громовника Ягве, богам других наций, которых существования они, однако, не думали отрицать, а только почитали их менее могущественными и святыми. Синайский договор Ягве с народом израильским ревниво отстраняет его от этих богов, которые, однако, частенько врывались в его культуру даже в весьма поздние ее периоды. И были боги, существование и известную силу которых должна была признать даже ревность Ягве.

Евреи слишком долго жили кочевниками в жгучих пустынях, чтобы не вынести из них мифа о царящем в них злом духе Азазеле, – быть может, отголоске египетского Сэа, которому подчиненным египтяне считали Синайский полуостров. Пресловутый обычай выгонять в пустыню, в жертву этому Азазелю, «козла искупления», нагруженного грехами Израиля, общеизвестен. Он держался в иудаизме едва ли не до падения иудейской государственной самостоятельности и, умирая, соприкоснулся с христианским символом-антитезой агнца, принявшего на себя грехи мира.²

По общепринятому ранее мнению, свою демонологию, т. е. идею, теорию и феномены дьявола, евреи вынесли из плена Вавилонского, воспитав ее в соприкосновениях с маздеизмом. В настоящее время, когда доказаны вавилонские источники и первоулияния, давшие основу праву и мифу Пятикнижия Моисеева, было бы слишком смело считать еврейского дьявола столь молодым. Однако нельзя не заметить, что понятие и образ злого духа, отличного от добрых, определяется в библейском мифотворчестве не ранее пленения. В Книге Иова Сатана еще является среди ангелов неба и отнюдь не рекомендуется заклтым противником бога и разрушителем его создания. Это только дух-скептик, дух-маловер, будущий Мефистофель, близость которого к человеческому сомнению и протесту против фатума прельстит впоследствии так многих поэтов и философов. Власть его – еще по доверенности от божества и, следовательно, одного с ним характера: она только служебность, истекающая из высшей воли. В бедствиях Иова он не более как орудие. Ответственность за необходимость непостижимых и внезапных страданий праведника божество, собственными устами, принимает на себя в знаменитой главе, которая даже нашего резонера Ломоносова сделала поэтом. Дьявол Книги Иова – скептик, дурно думающий о человеке и завидующий ему перед лицом высшей Святости, но, в конце концов, он только слуга по такого рода комиссиям, к которым Высшая Святость не может, так сказать, непосредственно прикоснуться, ибо это унизило

² Книга «Bereschitt rabban» считает этого Азазеля худшим из ангелов, пленившихся земными женщинами и чрез то сделавшихся демонами. Он научил женщин украшать себя драгоценными камнями, румяниться и белиться (Ленорман).

бы идею ее совершенства. Это фактотум неба по злым делам. Еще выразительнее выступает роль такого фактотума в знаменитом эпизоде Книги Царств о духе, принявшем от бога поручение обманом своим погубить царя Ахава. Этот дух даже не носит еще клички злого, темного, дьявола и т. п. Он – ангел как все, как тот страшный ангел, который в одну ночь совершает необходимые бесчеловечные боины: избиение первенцев египетских, истребление Сеннахеримовых полчищ и пр.

Но мало-помалу Сатана определяется и совершенствуется.

У Захария он уже враг и обвинитель избранного народа, желающий лишить его божественного благоволения. В Книге Премудрости Соломоновой Сатана – разрушитель и развратитель божественного миростроительства, тот, кто из зависти подстрекнул прародителей к греху и из зависти же ввел в мир смерть. Он – яд, портящий и позорящий творение божье.

В апокрифической Книге Еноха, в особенности же в ее древнейшей части, впервые звучит идея близости дьявола с человеком, и вина его изображается как отступничество от божества в сторону человечества, измены небу для земли. Дьяволы Еноха – ангелы, павшие через любовь к дочерям человеческим и позволившие оковать себя путами материи и чувственности. Этот миф, как замечает Артуро Граф, носит в себе глубокую идею – отсутствие в природе существ, по самому происхождению злобно-демонических; такие существа, т. е. мысли и действия в образах, – плоды человеческой эволюции. Действительно, в другой, позднейшей части того же апокрифа демоны оказываются гигантами, рожденными от женщин земли в союзе с ангелами, изменившими небу.

Таким образом, хотя Сатана и прокрался в книги Ветхого Завета и раввиническое предание не мало сделало для его эволюции, однако монотеистическая тенденция, основная в расовом характере еврейства, и настолько могущественная, что объединила в нем идею нации с идеей религии, не дала Сатане ни достаточно материала, ни достаточно логического (вернее, алогического) простора, чтобы вырасти ему в образ соперника божия. Идея Ягве слишком ревнива, чтобы допустить такую под-идею, как Сатана: самостоятельно обособленное зло, достаточно могущественное, чтобы противостоять, – хотя бы и с постоянными поражениями, – зиждителю и вседержателю мира. Ягве – единое самостоятельное божество мира, объемлющее собой без разделения все добро и зло. Он сразу и белый бог, и черный, и мы знаем из Библии, что во втором своем качестве он ужасен, этот, по выражению поэта-еврея, «бог топчущий, как глину, своих врагов». Он ревнив, свиреп, неумолим и часто несправедлив, что неоднократно доказывали ему талмудические мудрецы, выигрывая против него этические процессы. Кары его редко пропорциональны размерам совершенных преступлений и почти всегда несут месть чудовищную, слепую, бестолковую, поражая без разбора виновных и невинных людей и животных, взрослых и детей. Этот бог опутал свой народ мелкой сетью таких подробных предписаний, что вся жизнь еврейства обратилась в непрестанный страх оступиться в грех и погубить тем не только себя, но, по круговой поруке, и семью свою, и потомство, и колено, иногда весь народ. Люди, не желающие жить в религии страха, ему ненавистны: это – язычники, с ними Израиль должен беспощадно воевать, истребляя мечом население непокоренных городов. Двойственный характер Ягве выражен устами Исаии: «От меня и свет и тьма, и мир, и злоба: я Владыка, творящий все это». Таким образом, будущий Сатана еще заключен в самом Ягве, как злая часть его характера, вредная сторона его власти. Те духи зла, которых знает Ветхий Завет, – повторяем, – не более как его слуги, чиновники по особым дурным поручениям, род небесных биров, жандармов и палачей. Собственно говоря, иудаизм в этом своем фазисе предпринимает ту же операцию – извлечь из божества, объемлющего в существе своем и добро, и зло, отдельное и специальное злое божество, враждебно настроенное к доброму началу, – какую египетская религия провела много раньше изобретением злого бога Сэта (Seth). Египетский Сэт или Сутэкс, свирепое божество, известное грекам под именем Тифона, не всегда был злым разруши-

телем. Культ Сэта чрезвычайно древен; он поднимается до пятой династии, – по крайней мере, уже в ее эпоху был в Мемфисе храм, посвященный Сэту. В наиболее цветущий период империи фараонов это божество было в величайшем почете, настолько, что государи вставляли в свой титул прозвища «любимца Сэта» или «любимца Сутэкса»... В это время Сэт пользовался теми же почестями, которые воздавались другим божествам светлой и доброй категории, в особенности в эпоху восемнадцатой и девятнадцатой династии, когда культ его достиг величайшего развития. В это время он становится едва ли не верховным божеством. В поэме Пентаура фараон Рамзес II уподобляется богу Сэту в виде величайшей похвалы. На барельефах изображаются цари, получающие от Сэта символы силы, жизни и мудрости, в том же самом порядке, как получали они такие же дары от Гора и других солнечных божеств. Сверх того Сэт изображается научающим их стрельбе из лука. Центром его культа был в это время город Омбос, от которого он получил имя Нубти. По всей вероятности, он в это время был главным солнечным богом Южного Египта. Но вот в эпоху двадцать второй или двадцать пятой династии произошла резкая религиозная революция, которой Сэт был свергнут, изгнан из общества богов, его изображения подвергались изуродованию, надписи в честь его были истреблены. И, таким образом, божество доброе, господь неба и земли, как имели обыкновение называть Сэта ранее, становится теперь божеством беспримерно злым, олицетворением всего порочного и извращенного в мире нравственном и всего вредного в природе, – одним словом, полной противоположности добра и врагом света. Ненависть против Сэта доходит до того, что из списков населенных местностей вычеркиваются города, ему посвященные, как тифонические, то есть предполагаемые несчастными и приносящими несчастье.

В солнечном мифе Сэт теперь рассматривается не только как злейший и неумолимый враг своего брата Озириса, его убийца и похититель его престола, но также как злая сила в системе двух противоположных мировых начал, так что в этом порядке всякое благо приписывается кроткому и светлому Озирису и всякий вред ставится на счет свирепого и темного Сэта. Вместо прежних лестных эпитетов Сэт теперь обзывается в заклинаниях «аспидом, вредным пресмыкающимся, которого яд сожигает, разбойником, приходящим для того, чтобы украсть свет божества» и т. д. Красный цвет, посвященный Сэту, потому что в одном из превращений своих он принимал вид красного гиппопотама, объявляется проклятым и в знак войны со злым божеством египетские жрецы закалывают на жертвенниках своих богов животных красной шерсти, словно пленников из враждебной, побежденной армии. Развивается миф о мести Гора за отца своего Озириса и победе его над Сэтом. Страною Сэта объявляется жгучая пустыня – так называемый «Красный» пояс, обнимающий собой гористую часть восточного Египта до берегов Красного моря и, в особенности, часть пустыни, расположенная к югу нижнего Египта, включая сюда и Синайский полуостров. Здесь вотчина и территория Сэта, и, в силу этого, местности эти почитаются несчастными и отверженными. Таким образом, не перестав быть солнечным богом, Сэт, возможно думать, стал представлять собой, так сказать, отрицательное солнце: сосредоточил в себе злые и губительные стороны беспощадного африканского зноя, которые логика новой развивающейся морали не позволяла более приписывать абсолютному солнцу-добру, Озирису и Гору (Lanzone).

Ведь в выжженных странах древней Африки, по словам доктора Беккера, «восхода солнца всегда боятся... И на солнце смотрят как на всеобщего врага». Слова эти напоминают древние Геродотовские описания атлантов или атарантов, которые живут во внутренней Африке и проклинают солнце при его восходе, понося его позорной бранью за то, что оно посылает на них и на их страну свой жгучий зной. В настоящее время подобные атланты или атаранты развелись и у нас в России. Г. Ф. Сологуб в романах и стихах своих ведет яростную войну с Солнцем, как злым, враждебным человечеству, богом, Змеем, именно как египтянин сражался бы с Сэтом или его преемником Сатаной. По всей вероятности, отголоски древ-

него представления о Сэте надо видеть в отношении кочующих цыган к их демоническому божеству, носящему имя Девель (дьявол). Это – великий бог неба (Dewa, Deus). Но он скорее внушает страх, чем любовь, этим вечно живущим на воздухе, гонимым людьми, так как он своим громом и молнией, снегом и дождем затрудняет их странствия, а ночные светила его мешают их темным деяниям. Поэтому они жестоко клянут его, если их постигает какое-нибудь несчастье, а в случае смерти ребенка говорят, что Девель съел его (Тэйлор).

Потребность очистить идею божества от злого элемента растет в еврействе вместе с культурой и приводит иудаизм на ступень христианства, в котором бог безусловно благ, а зло в мире является отрицательной силой, выделившуюся из его компетенции на положение бунтующего могущественного вассала. Является идея Сатаны как черного под-бога, анти-бога, захватившего во власть свою чувственный мир и испортившего его настолько глубоко, что для спасения человечества становится необходимой со стороны самого всемогущего бога великая жертва: сын божий должен предать себя в добычу той самой смерти, которую хитрость Сатаны ввела в мир. Громадный период человеческой истории проходит в христианских понятиях, под такою безусловною и невозмутимою властью Сатаны, что от нее не могут избавить человека ни вера в бога, ни добродетельная жизнь: все ветхозаветные святители очутились, по смерти, в аду, вместе с лютейшими грешниками. Словом, с лишком пять тысяч лет церковного счета Сатане было не о чем беспокоиться: тяжелые дни наступили для этого вассала, привыкшего быть королем, только с приближением Икупителя. И идея Сатаны к моменту этому была уже настолько могущественна в иудейском мире, что евангелие выводит Сатану дерзнувшим на, – казалось бы, по существу своему бессмысленную, – попытку искусить самого Икупителя, а апостол христов изображает дьявола львом рыкающим, ищущим кого поглотить.

Акт искупления свершился, но мир его не ощутил или ощутил столь частично, что за Сатаной, потерявшим из ада великое множество спасенных христом мертвых, остались неисчислимы миллионы живых в настоящем и будущем, причем последнее оставлено бессрочным. Угроза страшного суда над человечеством, в котором будет низвергнут князь мира сего, обещает только внезапность расправы этой, которой прекратится и время. Но историческое течение веков после Искупления не явило себя в человеческих глазах практически различным от течения веков до Искупления. Последнее, таким образом, принимает в воображении верующих вид как бы счастливого перерыва между двумя долгими пытками. «христос разбил врата адовы, проник в царство мрака, вывел населявших бездну; но вслед затем врата снова укрепляются, мрак сгущается, и бездна вновь заселяется». И никогда на земле не было столько речи о Сатане и не боялись его столько, как – в искупленном христианском человечестве, после победы христа над вечным врагом. Напрасно ап. Павел уверял свою паству, что победа это совершенная и окончательная, и что царь смерти уничтожен смертью христа. Зрелище настоящего было против него, и христиане, веря в решительность победы христа над Сатаной, предпочитали, однако, относить ее, вслед за Апокалипсисом Иоанна, на конец мира. В текущей же жизни, среди разлагающейся языческой культуры, они и чувствовали Сатану и трепетали перед ним более чем когда-либо. Отпечаток извечного зла, зримый каждому хоть сколько-нибудь философскому уму, не мог быть стерт одним прикосновением религиозной доктрины. На Сатану было взвалено так много ответственности, что убрать из мира столь деятельную и творческую силу оказалось весьма нелегко: она густо обволокла землю своими следами, и «нежный душистый цветок учения христового едва пробивался сквозь эти слои» (А. Граф). Не творением ли Сатаны был пестрый политеизм, который очаровывал и соблазнял души? Юпитер, Минерва, Марс и все боги Олимпа, не были ли его воплощением или, по крайней мере, служителями его воли, исполнителями его планов? Жизнерадостная роскошная культура язычества, процветание искусств, отважная философия, власть богатства и честолюбия, идеалы любви и праздности, беспредельный разврат,

не его ли все это обманы, не способы ли и орудия его владычества? Римская империя – не царство ли Сатаны? О, конечно. Это – Сатану обожают в храмах, это его славословят на публичных празднествах, это – Сатана сидит на троне цезарей и триумфатором восходит на Капитолий.

Так-то значение Сатаныросло для христианского воображения в зрелище языческого мира, окружавшего горсть христиан своим красивым величием. Во всяком проявлении практической жизни, вокруг шумевшей, христианин видел отражение вечного врага христового, который, после своего поражения, как будто еще больше обозлился, осмелел и усилился, Ядовитее гидры и многообразней Протея ползет он из каждой щели житейской, наполняя ужасом и унынием христианские души. Тертуллиан и другие советуют и внушают прекратить всякое общение с язычниками, отказаться от их игрищ и празднеств, от профессий, так или иначе соприкасающихся с идольским культом. Ну, а тогда – жить-то как же? И, если даже умудришься, как быть уверенным на этой земле и в этом воздухе, пропитанных нечестьем и грехом, что сохранишь чистыми мысль свою и сердце?

Но Сатане мало соблазнов и козней, так сказать, оборонительных. Он переходит в наступление, со всех сторон осаждает вновь основанную церковь, день и ночь таранит он ее стены и успешно пробивает их, то стараясь утопить христову веру в крови воздвигаемых гонений, то увлекая бесчисленное множество агнцев паствы христовой в пагубные ереси. Наглядность столь очевидно царящего зла все более и более смущает веру в победу христову как факт, уже бывший, и обостряет надежды на второе пришествие, которого ждут скоро, скоро, и вдохновенные ясновидцы, вроде автора «Апокалипсиса» Иоаннова, упования эти подогревают своими обещаниями.

Но второе пришествие не спешит, и извечное зло стоит, как было, и даже растет. Тогда, под давлением этой бесспорной осязательности, в христианстве начинается реакция в сторону дуализма. Церковь выделяет множество еретических сект, из которых многие проповедуют дуалистическое христианство, мало чем отличающееся от персидского язычества. В теориях гностиков Сатана вырастает значением, понимаемый уже не как порочный и падший узурпатор, подхвативший отпавшие от божества средства и свойства зла, но как создатель вещественного мира, как самостоятельное и независимое злое начало, современное добру и находящееся с ним в борьбе. Это возвеличение Сатаны не остается без влияния на теорию искупления. Климент Александрийский (ум. 217) и Ориген (ум. 253) еще утверждали, что вся тварь, не только люди, но и сам дьявол, рано или поздно возвратятся к богу, а бл. Августин (354–430) уже полагает, что бог спасет лишь немногих избранных, большая же часть рода человеческого достанется в добычу дьяволу.

В столкновении противоположных доктрин и влияний, в взаимообмене философских мирозерцаний, в особенности в соприкосновениях неоплатонизма с каббалою, в блестящей фантастике ересей и борений их с еще колеблющимся ортодоксальным догматом, в наплывах из чудовищного языческого синкретизма последних лет римского язычества сложилась почти не поддающаяся определению смесь нелепых верований и безумных культов, из хаоса которых, конечно, не один элемент вошел в состав все растущего образа Сатаны. И, когда, наконец, церковь, восторжествовав над язычеством, и над собственными внутренними бурями, вознесла над миром и властно утвердила свой догмат, то – одинаково был готов уже и новый христианский Сатана, с новой, паче прежнего страшной, властью.

Христиане считали языческий мир созданием Сатаны. Историк скажет: напротив, Сатану воображение христиан создало по языческому миру. Без нравов Римской империи Сатана был бы очень отличен от того, каким он явился в средние века. Весь разврат, все гнусное и дьявольское, чем облепилось в упадке свое величие языческой культуры, объединяется и сгущается в идее Сатаны; он делается естественной приманкой для всего бесконечного разнообразия слов, дел, помышлений, обычаев, всего ведения и неведения, кото-

рые христианская совесть классифицирует под именем «греха». Боги, потеряв свои храмы и алтари, не умерли, не исчезли, но превратились в бесов, причем некоторые из них потеряли свою красоту, но дурные свои качества не только сохранили, но даже – в преувеличенных размерах. Юпитер, Юнона, Диана, Аполлон, Меркурий, Нептун, Вулкан, Цербер, фавны и сатиры, пережив свои культы, переселились в христианский ад и окружились тучей страшных легенд, помрачивших светлые легенды их в едва узнаваемые искажения. Известно, что христианская церковь не решилась сделать то, что в известное время своей религиозной истории сделали евреи: резко и категорично отвергнуть существование языческих богов. Христианская церковь не отрицала существования божеств – пусть языческих, но все-таки божеств, – а только настаивала на их ложности и злобности. Такое рассуждение обратило их в демонов. Это самый излюбленный пункт апологетов и отцов первобытной церкви, на котором они настаивают с особенно пылким жаром. Отзвуки и отблески языческого мифа находятся во многих описаниях христианского ада, начиная от первых веков церкви вплоть до времен, когда все эти представления объединил своим поэтическим синтезом Данте. Тартар, Аверн, Флегетон и другие адские реки, Стигийское болото, Харон, Цербер упоминаются беспрестанно. Ад, описанный в Романах Розы, считает в числе своих обитателей Иксиона, Тантала, Сизифа, Данаида, Тиция; Алан Великий (Alanus de Insulis) называет хозяйками адских рек классических фурий. Что касается самого Данте, он смешал языческий миф вместе с новыми поверьями христианства и произвел этим как бы путаницу двух враждебных элементов, за которую его неоднократно упрекали. С одной стороны, у него Сатана, Вельзевул, Люцифер; с другой – Харон, Минос, Цербер, Медуза, Минотавр и проч. В этой смеси хотели видеть влияние на Данте первых лучей гуманизма. Артуро Граф в своей статье о «Дантовской демонологии» хорошо показал, что это зависело совсем не от новой литературной моды, а, напротив, от накопления народных преданий и легенд, сохранивших в течение тысячелетий память старых божеств почти не поколебленной и не поблекшей, хотя и с изменениями цветов белых в черное. Так что, может быть, именно тут-то Данте и явил себя верным собирательным фокусом народной фантастики. Боги померкли, но не померли, они здесь и готовы захватить в старую власть свою каждого неосторожного, кто небрежен к новой религии искупления. Диана бродит полуденным бесом (*meridiana*), а в глубокую полночь мчится в воздушном полете под звездным небом, сопровождаемая ватагами ведьм, которым она передала свою волшебную науку. Венера, богиня любовной страсти, сохранив и в чертовках всю свою прелесть и очарование, по-прежнему распаляет людей неугасимой влюбленностью, отнимает новобрачных мужей у жен, увлекает в подземный чертог средневекового Адониса – рыцаря Тангейзера, что так прекрасно рассказано Гейнрихом Гейне и еще в тысячу раз прекраснее музыкой Рихарда Вагнера. Даже на папском престоле увидим мы новых язычников, знающих, что старые боги живы в новом дьявольском виде. Папа Иоанн XXII провозглашает тосты за здоровье дьявола и он же, играя в кости, призывает в помощь Юпитера, Венеру и *других демонов*. Средневековый Сатана не покинул старых античных масок фавна, сатира, является сиреной или гарпией и т. п.

К эпохе торжества церкви слагается и подробная биография Сатаны. Ее написали те же отцы, которым церковь обязана своим торжеством. Сатана был создан добрым, но сделался злым; пал по собственному греху, увлекая за собой бесчисленное множество своих последователей. Позднее утверждали, что за бунт этот десятая часть небесного воинства (совсем как при подобных же обстоятельствах в римской армии) была низвергнута на землю и поглощена бездной. Еще позже легенда об ангелах, сохранивших нейтралитет, стоя ни за бога, ни за Сатану, в ожидании победы того или другого. Острова, заселенные такими ловкими двуручниками, видел в своих, полных приключений паломничествах св. Брандан, поэма о которых относится к XI веку. Фольфрам фон Эшенбах (ум. около 1220) заставил их в своем «Парсифале» быть первыми хранителями св. Грааля. Данте поместил их в преддверии ада

с презренными трусами, в которых никогда не говорило живое сердце (*che mai non fur vivi*). Это всецело средневековое изобретение. В Библии о таких нейтральных ангелах нет ни единого слова.

Эволюцию Сатаны берут в свои руки аскеты. Бежать от мира, они думали уйти и от дьявола, но в пустыне встретили его еще более сильным и могучим, и история их святости становится в то же время историей хитростей, насилий, жестоких обманов и распутных бесчинств дьявола, до той поры и неведомых. И эта вторая история весьма часто подавляет своей греховодностью нравоучительную силу первой настолько, что в позднейших веках церковь, во имя нравственности, вынуждена была или, вовсе упразднить, или смягчить новой редакцией многие жития святых, оказавшиеся более к соблазну верующих, нежели к наставлению. Такую чистку «Пролога» произвел в России, как известно, св. Димитрий Ростовский (в конце XVII века).

В расшатанный античный мир врывается буря великого переселения народов. С туманного севера вторгаются варвары. Римская империя рушится. Ненавистная языческая культура угасает, а заря новой преемственной культуры еще не занялась. Над обломками язычества воцаряется мрак безнадежного варварства. Многим кажется, что пришел конец на земле царению человеческому, наступает царение диких зверей. Неизреченные бедствия, красноречиво рассказанные пламенным Сальвианом, заставляли усомниться в Провидении. Зрелища новых зол, бесчисленных, неизмеримых, вполне последовательно, придали новые рельефы и краски образу того, кто есть начало и виновник всякого зла. Сатана воспринимает в себя не только злодейства варваров, но и многие их верования, притягивая к себе все то, – а этого было не мало, – что было в их религии соответственного и сродного его существу. Если в греко-римском мире этот персо-иудей эллинизировался и романизировался, то общение с северными варварами его германизовало. Множество образцов германской мифологии, – бог Локи, волк Фенрир, эльфы, сильфы, гномы, – присасываются к образу Сатаны и придают ему новые формы, характер и поступки. Так строится и формируется Сатана то в быстром, то в медленном нарастании последовательных международных наслоений и просачиваний, в непрерывно изменяющихся фазисах сложной и долгой эволюции. Простая стихийная сила в первом начале своем, он приобретает мало-помалу сложнейший моральный характер, анализируя историческую сущность которого, приходишь в изумление от громадности, разнообразия и многочисленности составляющих его элементов. Не только силы природы и боги различных мифологий, но даже и люди входят в состав Сатаны. Еще индусское поверье утверждает, что демоны – существа, развившиеся из душ людей, которые умерли преждевременно, или смертью насильственной, были при жизни уродами, идиотами, сумасшедшими, страдали припадками, либо необычайной хилостью, или же были пьяницами, распутниками, и, наконец, людьми нечестными. «Поэтому, – говорит Walhouse, – смерть какого-нибудь хорошо всем известного злого человека является всегда источником ужаса для всех его соседей: ведь он, конечно, должен превратиться в «Буту» (Bhuta), – демона, столь же сильного и злобного, каким был при жизни. Некоторые из более ужасных, в настоящее время Бут, в старые годы были известными лицами. Вот выразительный пример, насколько сильно эта идея владеет народным умом. Один ченганурский Наир (a Nair of Chenganoor) за два дня до рождественских праздников 1875 г. убил свою любовницу, которую подозревал в неверности. Когда преступник был схвачен и предстал перед судом, он, признавая себя виновным, настоятельно просил, нельзя ли положенную законом казнь, которую он принимал как вполне им заслуженную, совершить над ним не там, где она обыкновенно производилась, а на месте, где им совершено было преступление. В таком случае, – объяснял он, – он мог бы облечься в форму и зажечь жизнью демона и получил бы, таким образом, полную возможность лично отомстить человеку, который сбил его несчастную жертву с истинного пути, а также и всем его сообщникам в этом деле». В Канаре, – местности Индостана, к

которой относятся наблюдения Walhouse'a, – существует около тридцати местных Бут; во власти их находятся храмы и алтари в различных частях провинции. Наиболее страшный и злой среди них – Калькатти (Kalkatti), или Каменотес, считающийся духом Якканачари (Jaokanachari), знаменитого каменщика и архитектора, который около, четырех или пяти столетий тому назад построил большую часть великолепных Канарских храмов. Вокруг него собрано много легенд, но он несомненно жил и, должно быть, был мастером удивительного таланта. Предание гласит, что он и жена поссорились с сыном своим из-за одного строившегося в то время храма и совместно убили его, после чего оба превратились в столь злых и ужасных Бут, что, «если можно по каким-либо данным предполагать об их близости, никто тогда не осмеливается даже произносить какое-либо заклинание». У патагонцев и туранских племен Северной Азии демонами становятся по смерти их колдуны, в Китае – нищие и прокаженные, в Индокитае и Индии – оставленные без погребений, умершие от чумы и насильственной смертью, холостые мужчины и женщины, умершие в родах. Что касается самоубийц, то это настолько верный способ сделаться демоном, что весьма обыкновенны самоубийства именно с этой целью: чтобы в качестве демона отомстить кому-нибудь из своих врагов. Именно этот смысл имеет японское «харакири», равно как и «сухая беда» наших чувашей. В средневековых поэмах и легенд Пилат, Нерон, Магомет обращаются к дьяволам. Еще недавно Генрих Ибсен насмешливо воскресил это поверье – о возможности лютному грешнику стать чертом – в бесподобном своем «Пер Гюнте».

Средние века – эпоха зрелости Сатаны. Вместе с готической стрелкой, папским авторитетом, схоластикой, аскетизмом, феодальным духом растет в христианстве и его угрюмый и причудливый миф. Когда они приходят в упадок, склоняется к упадку и он. Сатана сын печали, тайны, тени греха, страдания и ужаса и, конечно, дозреть в могущественную величину мог он только в религии ужаса, которою хотел быть и был католицизм XIII века, отрицатель жизнерадостности, прямого взгляда на вещи, света, веселости и наслаждения; враг природы, потому что она полна чудес и чудовищ, потому что в ней телесный мир непримиримо противится воле мира духовного; враг жизни, потому что она полна поводами к греху и опасности погубить душу; трусливый раб смерти, открывающий врата в спорную бездну вечности. Мечты и бреды смущают умы. Отшельник, проводя многие часы в молитве, на коленях выходит, еще в экстазе, из кельи и видит: в воздухе несутся ужасные полчища дьяволов в образе апокалипсических чудовищ. Они освещаются пламенными знаменами небесными, светила меняют свой вид и обливаются кровью, – печальные предвестия грядущих бедствий. Во время эпидемий, косивших людей, как траву, видят в воздухе стрелы и дротики, бросаемые незримыми руками, со свистом поражающие жертву и затем исчезающие³. И то и дело проходит по перепуганному миру грозное предчувствие близкого конца света, проносятся слухи, что Антихрист уже родился, и не сегодня-завтра наступит страшная катастрофа, предначертанная в Апокалипсисе.

Сатана растет в унылой тени огромных соборов, за массивными колоннами, за решетками хора; растет в тиши монастырей, оцепенелых в созерцании смерти; в зубчатом замке, где тайные угрызения совести гложут душу сурового барона, в тайной лаборатории, где алхимик делает опыты превращения металлов, в глухом лесу, где колдун творит свои волшебные заклинания, на ниве, в которую измученный раб сеет хлеб на барщине беспощад-

³ Это поверье нашло себе замечательно точное, подробное и яркое выражение в нашей Несторовой летописи, под 1092 годом, по Лаврентьевскому списку: «Предивно бысть Полотьске: в мечте мы бываше, в нощи тутьян станяше по улице, яко человеци ришюще беси; аще кто вылезаше из хоромины, хотя видети, абье уязвлен будующе, невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором. Посем же начаша в дне являтися на коних, и небе их видети самех, но коль их видети копыта, и тако уезвляху люди полотьскыя и его область; тем и человеци глаголаху: яко навье (мертвецы) быют полочаны».

ного господина. Сатана, в условиях этого века, становится всемогущим и вездесущим. Множества людей постоянно видит его, беседует с ним, вступает в переговоры и договоры.

И тут опять церковь помогла внедрению мифа в народ, направив свою запугивающую политику к тому, чтобы то, чего люди не хотели сделать из любви к богу или духу послушания, они делали бы хоть из страха к дьяволу. Католицизм обратил Сатану в своеобразную систему народного воспитания «от обратного» если не с нами, то, значит, с Сатаной, а что такое Сатана, – вот, любуйся. Сатану пишут и ваяют во всевозможных ужасных видах. Пугалом Сатаны страшат каждую фразу в устах проповедника, каждое увещание в устах духовника. Сатана стал героем бесчисленных дидактических легенд и притч, отвечающих решительно на каждый случай, на каждую мысль житейского обихода. Даже в общей политике средних веков дьявол играет очень важную роль. Что же касается политики чисто церковной, то в ее-то области, конечно, он сослужил гораздо большую службу, чем инквизиция и костры, которыми его впоследствии изгоняли. Уже в 811 г. Карл Великий, в одном из своих капитуляриев, обвинил священнослужителей, что они злонамеренно запугивают прихожан дьяволом и адом, с целью выжимать этим обманом деньги и захватывать имущество суеверных простаков.

Насколько велик был страх перед Сатаной, настолько же велика была и ненависть к нему, как к источнику всякого зла и противнику всякого блага. Чем более был любим христос, тем более должен был ненавистен быть его заклятый враг. Но и в этом случае страх и ненависть породили свои обычные результаты, доведя суждение о Сатане и образы его до таких крайностей отвратительного, что чувство меры воспротивилось им даже в народных недрах, создавших известную насмешливую пословицу: «Не так страшен черт, как его малюют».

Глава вторая

Физиология дьявола

Только с величайшим трудом удастся человеку, если вообще удастся, составить себе понятие о какой-либо бесплотной субстанции, существенно противоположной тем, которые доступны нашему чувственному восприятию. Обыкновенно, бесплотность понимается как наименьшая плотность: такое разрежение вещества, что последнее становится подобным воздуху или огню, либо даже и их тоньше. В первом представлении, разделяемом едва ли не всеми народами земли, душа есть дыхание или легкий пар, который может быть видим под внешностью тени. Боги всех мифологий – более или менее, но всегда – телесны. Греческие боги питаются амброзией и нектаром и имеют тело, физиологически чувствительное как к удовольствию, так и к страданию. Когда они вмешиваются в битвы смертных, то не только сами наносят, но также и получают болезненные, заставляющие их плакать и выть, ушибы и раны. Общеизвестны эпизоды «Илиады», как Диомед, сын Тидея, ранил в битве сперва Афродиту, спасавшую своего сына Энея, а потом самого Ареса, бога войны:

Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устроят,
Так как Афина, или как громящая грады Энио,
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, как струится у жителей неба счастливых,
Ибо ни брашн не едят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
...И тогда на Арее напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять, иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, начинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины Троян и дружины Ахейя
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.
Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность
Если неистово дышущий, знойный воздвигается ветер,
Взору Тидита таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стонавший, к Зевсу вешал он крылатые речи.

Естественным результатом этих взглядов явилась пневматическая доктрина, приписывающая обладание некоторым телом, как ангелам, так и демонам. При этом некоторые добавляют, что тело демонов плотнее и тяжелее ангельского, став таким после падения с небес, в силу приспособления к земной атмосфере. Зато, сравнительно с телом человеческим, тело демона едва плотно. Однако, демон достаточно материален, чтобы иметь вес и тяжестью своей выдавливать следы на сыпучих веществах. Довольно распространен обычай сыпать золу на пол, чтобы видеть следы демонов (Тейдор). Способ древний – известный еще из легенды и Бэле и Драконе, где следы ног на золе, которою был посыпан пол, выдают плута-жреца, приходившего через потаенную дверь поедать яства, которые ставили перед изображением Бэла. В половине XIX века в одном из английских городов распространился рассказ о бесе, прогуливавшемся по стенам домов и потолкам и оставляющем на снегу отпечатки своих дьявольских, вывернутых назад ног (Тейлор).

Никто не зрел, как с нею мчался он (Сатана),
Лишь страшный след нашли на прахе...

(Соути-Жуковский)

Во втором веке Татиан считает плотность демонов равною воздуху (также Исидор Севильский в VII веке) или огню, а св. Василий Великий считает их еще тоньше и легче. Наоборот, Данте наградил Люцифера, мерзнувшего во льдах Коцита, телом настолько крепким и грубым, что поэт и вожатый его Вергилия взбираются по нему, как по скале.

Наличность тела обуславливает наличность физиологических потребностей и отправлений. Будучи телесными, демоны должны питаться, Ориген, Тертуллиан, Афинагор, Минуций Феликс, Фирмик Матерн, св. Иоанн Златоуст, утверждают, что любимая пища демонов – пар и дым приносимых язычниками жертв. Некоторые раввины добавляют к этому кровь, на которую дьявол бросается всюду, где только может ее достать. А немецкая пословица уверяет, что голодный черт и мух жрет. Чувство вкуса дьяволу, по-видимому, чуждо. В русских и немецких сказках его верно надувают, подсовывая ему вместо ореха пулю, вместо сыра – камень, и глупый черт всю эту дрянь добросовестно жует, только удивляется, что люди находят в ней хорошего. Индусские демоны Бути представляются народному воображению какими-то кишечными паразитами, живущими за счет человеческого тела. Получив возможность войти в человека, Бута помещается в нижней части брюха и питается там всеми нечистыми выделениями. В продолжении своего пребывания там он, расстраивая у человека пищеварение и обращение соков, является причиной всяких припадков, параличей, временных умопомешательств, взрывов бешенства, судорог и ревматических болей. Все это вполне согласуется с повериями, относящимися к одержимости, весьма распространенными у евреев и древних христиан. Первые, например, были уверены, что нечистые духи, вследствие своего малого объема, вдыхаются вместе с воздухом и, незаметно пробравшись в тело и действуя на внутренности, причиняют вред здоровью и заставляют свою жертву выполнять их злые желания. Главным местонахождением их в теле считались жирные его части; сверх того раввины полагали, что на земле в каждом отхожем месте обязательно живет какой-нибудь злой дух.

Христианские поверья средних веков подтвердили это поверье легендами, в которых иные подвижники подвергались атакам беса именно в этих неприятных помещениях.

– Теперь ты мой, потому что ты совершаешь смертный грех! – сказал один такой дьявол священнику, который читал требник во время отправления естественной надобности.

Но находчивый патер отвечал:

– Молитва моя возносится ввысь и, следовательно, принадлежит богу. Ну, а то, что падает вниз, – пожалуй, так и быть, можешь взять себе.

Как бы особенной разновидностью дьявола средней между демоном и «злым мертвецом», надо указать чертей-людоедов и трупоедов. Это страшные гулы индусских и арабских сказок. Перелетев с Востока, они под разными именами, расселились по Европе и хорошо знакомы романско-германскому и славянскому фольклору. Но в европейских поверьях «людоед», «великан», «огр», – обыкновенно – только демоническое существо, вассал дьявола, а не сам дьявол. Не дьяволы и «вампиры», оживленные демонической властью мертвецы, питающиеся кровью живых. Но, например, еще настоящий, чистокровный, так сказать, гул является в русской сказке о дьяволе на вечернице (№ 206 у Афанасьева). Бес является в виде бравого парня на вечернице и ухаживает за красавицей Марусей. Желая узнать, кто этот неведомый обожатель, и где он живет, Маруся запаслась клубком ниток, и, когда стала прощаться с гостем, тихонько «накинула петельку на пуговицу; пошел он своей дорогой, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених. Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала – двери закрыты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там делается. Влезла глянула – а названный жених стоит у гроба да покойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело». Дьявол догадался, что Маруся его выследила, и стал требовать, чтобы она в том призналась. Маруся отрекается, а дьявол за это последовательно убивает ее отца, мать и, наконец, ее саму... Но смерть Маруси только очаровательный сон. Душа ее живет в прекрасном цветке, растущем на ее могиле. Один боярский сын пленился цветком, вырыл его с корнем и посадил в горшок: «Пусть у нас цветет!» Однажды боярский сын застал, как Маруся от цветка превращается в прекрасную девушку, – и они поженились и прижили сына. Вот однажды «они и поехали в церковь; муж входит – ничего не видит, а она глянула – сидит на окне нечистый: А, так ты вотана! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» – «Нет!» – «А видела, что я там делал?» – «Нет!» – «Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!» – Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом живущей и сказала, что и как делать. На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» – «Была». – «А видела, что я делал?» – «Мертвого жрал!» Сказала да как плеснет на него святой водой – он так прахом и рассыпался.

О пищеварении беса известно больше трагикомическим случаям, обнаруживавшим, в разных трудных для него столкновениях, что дьявол существо весьма нервное и с перепуга слабое на желудок. Великое множество знаменитых виноградников Западной Европы приписывают свое происхождение тому обстоятельству, что, мол, черт над сим местом встретился с небесным воинством и с перепуга впал в «медвежью болезнь». Великолепно записана и рассказана нормандская легенда подобного содержания – о горе Сен Мишель – у Гюи де Мопассана. Аналогичные сказания имеются и у нас в эпосе как великорусском, так и малорусском. Гриммы, наш Афанасьев и вообще мифологи стихийной школы обратили на сказки о разных проявлениях дурного пищеварения у черта, быть может, даже уж слишком много серьезного внимания, пристегивая их к пережиткам мифов о боге-громовнике.

Обмен веществ изнашивает материю. Все телесное должно стареть. В народных поверьях старость знает и дьявол. «Когда черт стареет, то он идет в монахи». Но Исидор Севильский⁴ отрицает, чтобы черти старели. В раввиническом предании они не только стареют, но и умирают. Русский сказочный черт вполне человеческое существо: он охотно ест и пьет все, что люди, стареет, болеет, умирает, бывает ранен и убит и даже по смерти разлагается.

⁴ Святой Исидор, епископ севильский, испанец из Картагены, 601–636 гг. Очень образованный человек, оставил 20 книг сочинений богословского содержания, а так же «Хронику, начиная с Адама по 626 год».

«— Как стал от игумена выходить, — рассказывает в «Братьях Карамазовых» инок Ферапонт — смотрю — один за дверь от меня прячется, да матерой такой, аршина в полтора али больше росту, хвостище же толстый, бурый, длинный, да концом хвоста в щель дверную и попади, а я не будь глуп, дверь-то и прихлопнул, да хвост-то ему и защебил. Как завизжит, начал биться, а я его крестным знаменем, да трижды, — и закрестил. Тут и подход как паук давленный. Теперь, надоть быть, погнил в углу-то, смердит, а они-то не видят, не чухают».

О болезнях черта много рассказали, под пыткой, ведьмы в колдовских процессах: когда он болел, они должны были ходить за ним в качестве сиделок.

Некоторые отцы церкви, в том числе св. Григорий Великий, почитали дьявола совершенно бесплотным, но мнение их не нравилось народу. Св. Фома Аквинат (1227–1274), изложив голоса за и против, вывел заключение, что вопрос о телесности или бестелесности дьявола для веры не важен. Народная фантазия не согласилась с этим и продолжала воображать черта телесным в полном смысле этого слова.

Тело дьявола предполагается человекоподобным, — однако, не тождественно человеческим. В результате своего падения Сатана, «создание великой красоты» (*La creatura ch'ebbe il bel sembiante*), по свидетельству Данте, огрубел и уплотнился телом, а прелесть лица его превратилась в позорное безобразие. Та же судьба постигла его сообщников. Дьяволы стали чудовищами, в которых человеческое смешано со звериным и часто второе берет верх над первым. Если бы дьяволы подлежали зоологической классификации, то могли бы составить отдельную семью антропоидов (Артуро Граф). Наш Костомаров, в своем послесловии к известной «Повести о Соломонии Бесноватой» хорошо говорит что русские бесы, столь ярко обрисованные в этом любопытном памятнике демонологии, — «какие-то земноводные люди, подверженные, как и мы, условиям материальной жизни: они едят, пьют, имеют половое сообщение, рождаются и умирают; они безобразны, и по наружности скорее похожи на зверей, чем на людей; они, как люди, мыслят и говорят, имеют общественные связи, ибо сознают между собой братство, имеют религию и поклоняются божеству; называемому Сатаной; отличаются от людей тем, что могут принимать различные образы, способность, которой, однако, не лишены, безусловно, по народному верованию, и люди — если они колдуны; бесы, кроме того, что они звери по наружности и люди по жизни, еще все как бы колдуны, то есть все, по природе своей, способны на то, что доступно между людьми только некоторым, обладающим таинственной наукой». В главе об инкубах мы встретимся с любопытными галлюцинациями одной дамы, которая определяла демонов, на нее нападавших, удачным именем «человекоживотных» (*homanimaux*).

«Бесов вообще рисуют безобразных» (Лермонтов). Принцип интеллигентской романтики XIX века «*Le beau c'est le laid*» весьма далек от народной демонологии, которая и в средние века и сейчас настойчиво желала и желает соединить красоту с понятием добра, а зло воплощает в отталкивающее уродство, либо, в виде снисхождения, презрительно одевает его искаженными формами смешного шутовства. Вообразить Сатану отвратительным требовали ненависть и страх к нему, которые внушала и которых требовала церковь. Авторы житий, сказочники, поэты, художники и скульпторы тратили вдохновение и силы на изображение Сатаны в самом гнусном виде и иногда преуспевали в этом настолько, что сам дьявол выходил из терпения, находя, что это уже слишком. За подобный пасквильный портрет он даже столкнул одного художника с лесов, на которых тот работал, но, к счастью мастера, Мадонна, которую он незадолго перед тем написал совершеннейшей красавицей, протянула руку с картины и удержала его в воздухе.

Знаменитый художник XIV века, Спинелло из Ареццо (1308–1400), человек крупного дарования и чрезвычайно живой фантазии, писал для церкви San Agnolo в Ареццо картину, изображающую падение ангелов, при чем придал Люциферу такой ужасный вид, что сам не выдержал созданного им зрелища. Старикую всюду начал представляться дьявол, упрека-

ющий Спинелло за безобразие, в котором художник его вообразил. Постоянная галлюцинация эта так подействовала на Спинелло, что он заболел и вскоре умер (Ланци). Brierre de Voismont прибавляет, что бедный Спинелло пробовал искупить свою вину перед взыскательным бесом, придав ему, – первый из художников, – более человеческий образ, но, должно быть, опоздал с этим покаянием, потому что бесы не давали ему покоя и замучили-таки бедного галлюцината до смерти.

Вообще дьявол довольно-таки ревнив к репутации своей наружности. Гоголев кузнец Вакула преследуется, ведь, чертом, подобно художнику Спинелло, отчасти и за то, что нарисовал дьявола в аду в таком мерзком виде, что бабы им стали детей пугать: «Ось, бачь, яка кака намалевана!»

Человекоподобность дьявола признавали все визионеры, удостоившиеся его лицезреть, но о точной его наружности, даже о росте, не только каждый из них, но часто один и тот же говорит разное. Св. Антоний видел его однажды черным гигантом, который головой касался облаков, другой раз – в виде голого негртенка. Манихеи, еретики второй половины III века, приписывали князю тьмы гигантские размеры. Анахореты пустыни Фиваидской видели беса, обыкновенно, в образе эфиопа, что естественно для белых людей, поселившихся среди чернокожих. Но в средние века эфиоп этот перекочевал из Африки в Европу и таковым видел беса даже св. Фома Аквинат. В русской церковной литературе, а в особенности в старообрядческой, «эфиоп» и «мурин» играли весьма важную роль – настолько, что оба имени, потеряв свое этническое значение, стали нарицательными кличками дьявола, обратились из эпитетов в синонимы: предмета.

Эфиопы, видом черные,
И – как углие глаза.

(Майков)

грезятся Власу Некрасова в адских видениях его горячечного бреда.

Черный цвет дьявола естественно приличен ему, как князю тьмы. Исполинский рост он получил по наследству от языческих и библейских гигантов, воплощений злой, антикультурной силы, враждебной идеям божества и религиозной цивилизации. Титанов греческой мифологии Данте нашел нужным перенести на мучение и в свой христианский ад, хотя последнему, казалось бы, совершенно бесполезна расправа с врагами христом низверженного Зевса. Злая воля в средневековом эпосе всегда воплощается в великане и великан этот – либо сам черт, либо сын черта. Дантов Люцифер – гигант, горе подобный. В видении Тундала (XII век) князь демонов, осужденный вечно жариться на раскаленной решетке, имеет, подобно Бриарею, сто рук. Таким же сторуким и стоногим видела Сатану в XIV веке св. Бригитта. Иногда, впрочем, воображают дьявола карликом, в чем А. Граф видит влияние германской мифологии.

Данте дал Люциферу три лица, подражая подобным же средневековым изображениям в виде человека с тремя лицами Троицы небесной: как обезьяна божества и вечный контраст его, Сатана должен был, конечно, изобрести свою общественную дьявольскую, черную троицу, пародируя ипостаси и отражая благодать их в карикатуру обратно пропорциональных пороков. Люцифер с тремя лицами изображался много раз в скульптуре, в живописи на стекле, в миниатюрах на манускриптах, с головой, то украшенной венцом, то обезображенной рогами, а в руках – скипетр, иногда меч, а то и два меча. Такое тринитарное изображение Сатаны гораздо старше и Данте, и Джотто, который дал ему место в одной своей фреске, Сатану писали так уже в XI веке. Более того: еще в апокрифическом евангелии от Никодима, памятнике VI века, упоминается «трехглавый» Вельзевул.

По мере того как в народах рос внутренний страх к дьяволу, все страшнее воображалась и его наружность. Понятно, что результаты воображения варьировались – сообразно верованиям той или другой местности и субъективно-художественному темпераменту воображавшего. Самый обычный и частый образ Сатаны – высокий изможденный человек, с лицом черным, как сажа, или мертвенно бледным, необыкновенно худой, с горящими глазами на выкате, всей мрачной фигурой своей внушающий ужасное впечатление призрака. Таким не раз описывает его в XII веке цистерцианский монах Цезарий из Гейстребаха, таким же и в веке XIX вывел его Гофман в гениальном своем романе «Чёртов эликсир».

Другой вид его бесконечно воспроизведенный искусствами, это – черный ангел.

Вот так являюсь я певцам,
И живописцам наипаче, –

рекомендуется черный ангел-Сатана в «Дон-Жуане» гр. А. К. Толстого. Этот художественный тип Сатаны варьируется с бесконечной растяжимостью, начиная с того сверхъестественного безобразия, в котором нашел Данте в восьмом кругу «Ада» беса, мучителя корыстолюбцев:

E vidi dietro a noi un diavol nero
Correndo su per lo scoglio venire.
Ahi quanto egli era nello aspetto fiero!
E quanto mi pareo nello atto acerbo,
Con le ale aperte, e sovra i pie leggiero⁵.

Лицо у такого черного ангела обгорелое и безобразное, тело сухое и волосатое, крылья – как у летучей мыши, на голове рога – и хорошо, если только пара, а то и более, нос крючком, длинные острые уши. Для совершенной красоты усердствующие придавали бесу еще свиные клыки, когти на руках и ногах, хвост со змеиным жалом или стрелой на конце. Страшные морды, подобные фантастическим маскам на фонтанах, разевали пасти на коленях, локтях, груди, брюхе и, в особенности, на зад; половой орган принимал громадные размеры и безобразно изощренные формы, напоминая бесстыдные карикатуры античного искусства. Ноги – иногда козлиные, на память о сатирах языческой древности, либо – одна человеческая, другая лошадиная; ступни то вооружены ястребиными когтями, то – как гусиные лапы. Это европейский чёрт с рогами и с хвостом получил распространение более широкое, чем даже, казалось бы, позволяло непосредственное европейское влияние. Так, в некоторых первобытных племенах, при первом с ними знакомстве, европейцы, к удивлению своему, открывали злого духа, живущего в подземных странах и причиняющего все бедствия, от которых страдают люди, в виде, хорошо знакомого им на собственной родине, рогатого и хвостатого существа, хотя между туземными животными не встречалось ни одного рогатого (Тэйлор – о духе Варругура). Очевидно, черт зашел сюда издалека и понравился населению по слухам. Вообще, понятие о дьяволе появилось у многих диких народов только с прибытием европейцев и началом христианского миссионерства. Если последнее не обращало эти дикие племена в христианство, то своими отголосками, молвою и перетолками своих заповедей создавало, в смешении с местным первобытным культом, нечто вроде новой религии, обыкновенно, резко дуалистического типа. Так, один миссионер XVIII века сообщает следующие интересные данные о знаменитом в то время американском краснокожем

⁵ Позади нас я увидел черного дьявола, притко взбегающего на утес. Ах, какой у него был надменный вид и каким свирепым показался он мне в поступках своих, этот легконогий бес, стремившийся с распушенными крыльями!..

племени ирокезов: «Они (индейцы), по-видимому, не имели понятия о дьяволе, как князе тьмы, до прибытия европейцев в их страну. Теперь они считают его могущественным духом, неспособным делать добро, и: потому называют его Злым. Они держатся теперь веры в два существа, одно бесконечно доброе, другое – бесконечно злое. Первому они приписывают все хорошее, второму – все дурное. Около тридцати лет тому назад в религиозных понятиях индейцев произошли большие перемены. Некоторые из их собственных проповедников стали уверять, что получили откровение свыше, были на небе и беседовали с богом. Они рассказывали различно о своих похождениях во время этих странствий, но все сходились в том, что путь на небо сопряжен с большими опасностями, потому что дорога проходит около самых ворот ада. Там дьявол лежит в засаде и ловит всякого, направлявшего свой путь к богу. Те, которым удалось счастливо пробраться мимо этого опасного места, пришли сначала к божьему сыну, а через него к самому богу, от которого будто бы получили повеленье указывать путь к достижению неба. От этих проповедников индейцы узнали, что небо есть жилище бога, а ад – жилище дьявола. Намек на такую первобытную, соседнюю с христианским мифологическую религию дан в интересном рассказе Лескова «На краю света», из уст остяка, убегающего от миссионеров, чтобы они не могли его окрестить... А нечто совсем подобное – о хвостатом, рогатом и черном дьяволе, созданном первобытными язычниками по слухам из проникших к ним христианских сказаний, – содержит, и в очень любопытной форме также и наш летописный рассказ, под 1070 г. «Случилось одному новгородцу приехать в Чюль и пришел он к волшебнику, желая, чтобы он ему погадал; тот, по своему обычаю, начал призывать бесов в свою хижину. Новгородец сидел на пороге, а волшебник лежал как бы в оцепенении. Ударил им злой дух. Встал волшебник, сказал новгородцу: «Боги не смеют прийти, на тебе что-то есть, чего они боятся». Тот вспомнил, что на нем есть крест, отошел в сторону и поставил крест вне избы. Волшебник стал снова призывать бесов, а те натешившись им, сказали, зачем пришел новгородец. Потом новгородец начал спрашивать его: «Почему бесы боятся креста, который мы носим на себе?» – Тот отвечал: «То знамение небесного бога, и его боятся наши боги». – Новгородец спросил: «А каковы. боги ваши, где они живут?» – Тот отвечал: «*В безднах, а видом они черные, с крыльями и хвостами, восходят и к небу послушать ваших богов.* Ваши – это ангелы на небе. Если кто умрет из ваших людей, то его уносят на небо; а если кто умирает из наших, то его относят к нашим, богам в бездну».»

К числу физических недостатков черта надо отнести, что он хромым, вследствие своего падения с неба. В этом случае на дьявола перенесена примета древнего арийского мифа о хромом огненном божестве. Хром эллинский Гефест – и по той же причине: «раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно *низвергнул с высокого Олимпа на землю*, и вследствие этого падения Гефест повредил ногу». Хром скандинавский Локи. Хромота черта – общеевропейское поверье, сохраняющееся даже на значительных культурных, высотах. Достаточно напомнить об известном романе Лесажа, «*Le Diable boiteux*».

«Was hinkt der Kerl auf einem Fuss?» (С чего этот малый припадает на одну ногу?) – восклицает в Гетевом «Фаусте» Зибель, глядя на Мефистофеля. В русских сказках, дьявол часто является под, именем Анчутки Беспятаго (с отшибленной пяткой). Будучи хромым, дьявол ищет компаньонов по несчастью и потому великий охотник портить ноги людям, емуверяющимся или наоборот, покушающимся на его богатство. «Посреди старого Кракова было *подземелье*, где (как уверяла народная молва) стояли бочки с чистым золотом; раз зашла туда одна девушка, черт отсыпал ей в передник груды червонцев и, прощаясь, не велел оборачиваться назад. На последней ступеньке лестницы она не выдержала и оглянулась, в то же мгновение *дверь с треском захлопнулась и отшибла ей пятку*». Под развалинами Ленчицкого замка (в Польше) обитает черт Борута и стережет клад; нашелся отчаянный шляхтич,

который отправился в подвалы этого замка и стал забирать золото; набил полные карманы – и назад, но едва ступил он на порог, *как хлопнула дверь и отшибла ему пятку*».

Некоторые утверждали будто у дьявола телесна только внешность, а внутри он пустой, вроде дерева, изъеденного дуплом. Св. Фурсей видел однажды толпу дьяволов с головами, подобными медным котлам, на длиннейших шеях. Дьяволы в видении св. Гутлака имели огромные головы, длинные шеи, лица тощие и отвратительные, бороду, колючие уши, свирепо наморщенные лбы, зверские глаза, лошадиные зубы и гривы, огромные рты, высокую грудь, волосатые руки, узловатые колени, кривые ноги, толстые пятки, вывернутые ступни; говорили они крикливыми и хриплыми голосами и с каждым словом изрыгали пламя изо рта. Эту способность сохраняли все отверстия на дьявольском теле. Если дьяволы св. Фурсея немного смахивали на котлы или кубы для кипячения воды, то еще более хозяйственно устроенного дьявола видела однажды св. Бригитта: голова его была подобна раздувалу, снабженному длинным дулом, руки были как змеи (веревки), ноги как педаль, а вместо ступни – крючки. Нельзя не сознаться, что это дьявольское видение, превратившее в Сатану невинные кузнечные или кухонные мехи, как нельзя более напоминает галлюцинацию Ивана Солдата в хорошо известном русскому читателю «Тишеводы, ниже травы» Глеба Успенского:

«Однажды Иван валялся пьяный около корыта, где мок в овсянке овчинный рукав; этот рукав целую ночь ругал его; «Камбала!», – очевидно, намекая на, его кривой глаз».

Уловить общий тип дьявола тем труднее, что, по весьма распространенному мнению, каждый демон имел свою индивидуальную наружность, соответственную его характеру, рангу в адской иерархии и специальности. В человекоживотном смешении дьявола иногда зверь подавляюще берет верх над человеческим составом, как, например, Герион у Данте, который, взяв это имя из эллинской мифологии, одел его в апокалипсические формы:

Ecco la fiera con la coda aguzza,
Che paossa i monti, e rompe i muri ed armi,
Ecco colei che tutto il mondo apuzza!
Si cornincio lo mio duca a parlarmi,
E accennolle, che venisse e proda,
Vicino al fin dei passeggiati marmi:
E quella sozza immagine di froda
Sen venne, ed arrivo la testa e il busto:
Ma in su la riva non trasse la coda
La faccia sua faccia di om giusto;
Tanto benigna avea di for la pelle,
E di un serpente tutto lo altro fusto
Due branche avea pilose infin le ascelle:
Lo dosso, e il petto, ed ambo e due le coste
Dipinte avea di nodi i di rotelle.
Gon piu color sommesse e sopraposte
Non fer mai drappo Tartari, ne Turchi,
Ne fur ta tele per Arague Imposte.
Come tal volta stanno a riva i burchi;
Che parte sono in acqua, a parte in terra,
E come la tra li Tedeschi lurchi
Lo bivero si assetta a. far sua guerra;
Cosi la fiera pessima si stava
Su l'orioch'e di pietra e il sabbion serra.

Дантологи (Ланчи, Бетти, Скартаппини) находят, что в этом описании своем Данте подражал адской саранче из Откровения Иоаннова (VI, 7–11) и в особенности, царящему над нею Ангелу бездны.

«По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; а на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней, как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов; на ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее, как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев.

Царем над собой она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски — Аваддон».

Иногда животное вытесняет из дьявола человеческое подобие — и тогда является адский зверь, чудовище, зародившееся в мифологических образах Вавилона и Египта, а также на страницах Апокалипсиса и получившее необычайно подробное развитие в Видениях средневековых аскетов и дидактически-благочестивых романах. Бредовые звери эти, созданные воспаленным воображением из обрывков действительных животных, сложены самым фантастическим образом, совмещая в себе признаки всех животных царств, словно нарочно затем, чтобы символизировать как каприз и злоба дьявола ругаются над законами природы и насилуют ее строй. Звери египетской мифологии, при всей их причудливости куда проще. Так мистическим животным Сэта, египетский Сатана рисуется довольно скромное и почти правдоподобное четвероногое плотоядного типа, вроде собаки или шакала, удлинённой хищной мордой напоминающее ближе всего, пожалуй, борзую, с прямыми торчащими ушами и длинным хвостом, на конце раздвоенным. Иногда Сэт изображается в виде этого адского зверя, иногда в виде человека, но с головой своего символического животного. Из настоящих представителей животного мира Сэту были посвящены гиппопотам, коршун и многие другие хищные животные, вид которых он иногда принимал. И эти уже без всяких демонических изменений и прикрас. Мы встретим этих удивительных зверей, которыми населило преисподнюю средневековье, в главе об «Аде», по описанию их неким Тундалом.

Отступления от правила изображать дьявола безобразным, в средних веках, очень редки. В одной латинской библии IX или X века, находящейся в Парижской Национальной Библиотеке, Сатана, искушающий Иова, сохранил еще свой прежний ангельский вид — крылья и даже ореол вокруг его головы, дьявольство его характеризуется только когтями на ногах и сосудом с пылающими углями, который он держит в левой руке. В одной французской героической поэме двенадцатого века — «*La Bataille Alisians*» — дьявол выведен совсем красавцем; его портят только большой рот и горбатый нос. Эстетическое направление Возрождения сказалось и на представлении о дьяволе. Вот как описывает Сатану Федерико Фреucci (ум. 1416), епископ в Фолиньо и автор «*Quadriregio*»:

«Я думал увидеть злое чудовище, ждал увидеть погибшее и унылое царство, а нашел его торжествующим и славным. Сатана оказался велик, прекрасен и имел такой благосклонный вид, такую великолепную осанку, что казался достойным всякого почтения. На голове его сиял великолепный тройной венец, лицо было веселое, глаза смеялись, в руках он держал скипетр, как прилично великому властелину. И, хотя ростом он был в три мили вышины, надо было удивляться, как соразмерны его члены и как хорошо он сложен. За плечами его шевелилось шесть крыльев из таких нарядных и блестящих перьев, что подобных не имеют ни Купидон, ни Килленийский бог (Гермес)» (Arturo Graf).

Правда, все это оптический обман: взглянув на Сатану вооруженным глазом, сквозь алмазный щит Минервы, своей вожатой, поэт видит адского царя свирепым чудовищем, чернее негра, с дико горящими глазами; голова его украшена не венцом, а переплетающимися драконами, он оброс по всему телу как будто волосами, но в действительности это

ужасные змеи, руки у него с когтями, а брюхо и хвост – как у скорпиона. Но, тем не менее, почин украшать Сатану сделан и пришлось по вкусу века.

Из художников, как сказано, выше, первым придал Сатане «страшную красоту» Спинелло Аретинский, которого Бриер де Буамон зовет за это «предшественником Мильтона». В «Страшном Суде» Микель Анджелло демоны уже мало чем отличаются от грешников: художник достигает в них впечатление не внешним безобразием, но ужасной экспрессией внутренних страстей. Демоны Мильтона, равным образом и Клопштока, сохранили и после падения не малую долю прежней своей красоты и величия. Однако, демоны Тассо, наиболее народного из четырех законоположных поэтов Италии, сохранили чудовищные и ужасные формы и воспроизводят все страшные призраки античной мифологии. Восемнадцатый век, погасивший костры ведьм, и обративший дьявола в философскую идею, увенчанную после многих второстепенных немецких «Фаустов», гениальным синтезом в «Фаусте» Гете, окончательно очеловечил Сатану. А протестующий романтизм XIX века, усилиями Байрона, А. де Виньи, Лермонтова, и др., настолько облагородил и возвысил его, что Люцифер, Демон, Мефистофель становятся излюбленными владыками – символами человеческой мысли, решительно торжествующими в воображении бунтующего человека над своими исконными небесными врагами. Сообразно с этим моральным повышением, становится он и физическим красавцем:

господень ангел тих и ясен,
На нем горит блаженства луч,
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

(Майков)

Это эстетическое отношение к дьяволу как олицетворению прекрасной и гордой мысли нашло себе, уже в наши дни, конечное и блистательное увенчание в гениальном «Демоне» несчастного Врубеля.

И даже когда нынешний дьявол некрасив, он сохраняет в наружности своей ту значительность и, как говорится, «интересность», которая привлекает к нему уважительное внимание больше самой блистательной красоты. Мефистофель в мраморе Антокольского, в сценическом гриме Эрнста Поссарта и Шаляпина сделал европейскому обществу зловещую фигуру кавалера в бархатном колете, шелковом плаще, в берете с тонким, колеблющимся петушьим пером и длинной шпагой на бедре.

Bin ich als adler Junker, hier
In rothem, goldverbramtem Kleide,
Das Mantelchen von starrer Seide,
Die Hahnenfeder auf dem Hut,
Mit einem langen, spitzen Degen...

Этот образ дьявола – несомненно, из всех художественных, самый популярный, несмотря на то, что он, сравнительно, из новых: появляется не ранее XVI века... Но он сразу так фантастически и привился к поверьям Европы после пережитой ею реформации, что этот вид дьявола надо считать как бы средним между собственной его формой и теми излюбленными его метаморфозами, о которых теперь будет речь. Имея свой собственный индивидуальный образ, демон, сверх того, обладал, способностью изменять свою наружность, по желанию, в другие образы, причем в этой своей способности он совершенно неограничен и вполне заслуживает название адского Протея, которое ему давали богословы. Злые

духи, – говорит Мильтон, – «принимают по своему желанию тот или иной пол или сливают их вместе. Так мягка, так проста бестелесная сущность, что, будучи свободной от мускулов и поддержке костей, она может вливаться, следуя планам воздушных существ, в любую форму, ясную или темную, жидкую или твердую, и, таким образом, приводить к намеченным результатам деяния своей любви и злобы».

Будучи по природе безобразными, дьяволы могли искусственно принимать красивую и обольстительную наружность, либо облекаться в пугающее безобразие же, отличное от собственного.

Наследники олимпийских божеств, дьяволы, долго мучили христиан памятью и образами отошедшего в вечность язычества. В четвертом веке они посещали св. Мартина, знаменитого епископа турского в образах Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы. Галлюцинации, хорошо понятные в эпоху, когда боги умирали, воскресли вместе с эпохой «воскресших богов», как удачно назвал г-н Мережковский века Возрождения. Уже в XIII веке св. Райнальд, епископ Ночеры, бредил дьяволами в виде давно, казалось бы, забытых Юпитера, Венеры, Меркурия, Вакха и Гебы: несомненный результат чтения классических авторов или, может быть, слишком прочной памяти язычных призраков в местности, которая и поныне носит выразительное название Ночеры Языческой, *Nocera del Pagani*. Чтение классиков весьма не одобрялось духовенством и, наоборот, было весьма угодно Сатане. В X веке одному раввенскому грамматiku, по имени Вильгарду, явились однажды ночью три дьявола и, отрекомендовавшись Вергилием, Горацием и Ювеналом, благодарили его за прилежание, с которым он комментирует их произведения и обещали в награду, что после смерти он разделит их славу. Двусмысленная признательность эта заставила грамматика призадуматься: ему было известно, без сомнения, что христос, явсь в сонном видении блаженному Иерониму повелел ангелам жестоко высечь его за слишком усердную любовь к Цицерону.

Чаще всего дьявол меняет свою человекоподобную форму на человеческую же, которая в данном случае лучше соответствует их намерениям. К отшельнику он приходит обольстительной женщиной, к отшельнице – красивым навязчивым юношей. Нередко дьявол являлся тем, против кого злоумышлял, под видом их друзей, родных, близких и знакомых, из чего происходили иногда большие несчастья, грехи и соблазны. Преподобная Мария из Майэ (Maille – деревня в Вандее в 14 км. от Фонте-нэ-де-Конт) открыла дьявола в лице одного отшельника, которого все считали святым. Случай, необыкновенно частый в местностях, веках и слоях народных, охваченных борьбой господствующей церкви и сект, догмата и свободы совести. У нас в России это – обыкновенная религиозная галлюцинация фанатиков старой веры, давно обратившая на себя внимание художественных писателей. П. И. Мельников (Андрей Печерский) коснулся этой темы в «Грише», а А. Н. Майков в «Страннике»:

Тому теперь недели три, сошлись
К нам странники, да трое, разных вер:
И спорили, и всяк хвалил свою,
Да таково ругательно и блазно.
Как улеглись, я тоже лег на одр.
И так-то у меня заныло сердце;
И мысленно я стал молиться богу:
«Дай знаменье мне, господи, какая
Перед тобой есть истинная вера?»
И не заснул – вот как теперь смотрю:
Вдруг в келью дверь тихонько отворилась,
И старичок такой лепообразный
Вошел и сел на одр ко мне и начал

Беседовать, да ладно так и складно.
Все хороши, мол, веры перед богом;
Зрит на дела, мол, главное, господь;
А что когда, мол, знать желаешь больше,
Так приходи к соборному попу...
И, как сказал он только: «поп» – я вздрогнул,
Вскочил и крикнул: Да воскреснет бог!
Он и пропал – ну, видел я – во прах
Рассыпался...

Блаженной. Герардеске Пизанской и многим другим дьявол являлся в образе их мужей. Этот обман он часто употребляет против неутешных вдов, слишком страстно любивших мужей своих. Не столько сказку, сколько ходячий деревенский анекдот о том (потому что в народе это поверье крепко держится даже посейчас) поместил в свое собрание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьев:

«Жил-был мужик, была у него: жена – красавица; крепко они любили друг дружку и жили в ладу и согласии. Ни много ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: «Как ты пришел?» – «Да слышу, – говорит, – что ты, бедная по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел». Лег он с нею спать; а к утру, только петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой, она никому про то не рассказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает! В одно время приходит к вдове мать – старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» – «От радости, матушка!» – «От какой радости?» – «Ко мне покойный муж по ночам ходит». «Ах ты, дура! Какой это муж – это нечистой!» Дочь не верит. «Ну слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да, как станешь подымать – посмотри ему на ноги». Послушалась вдова матери, в первую же ночь, как пришел к ней нечистой, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему на ноги – и увидала что он с хвостом. На другой день она к матери. «Ну, что, дочка? Правда ли?» – «Правда, матушка! – что мне делать несчастной?» – «Пойдем к попу». Пошли, рассказали все как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал – насилу отстал от нее злой бес!»

Чтобы скомпрометировать св. Кунигунду, бес однажды вышел из ее спальни в виде рыцаря. Приняв образ св. Сильвана, он волочил за одной девицей и нарочно дал поймать себя у нее в спальне под кроватью. Фома Кантипратийский⁶ видел однажды дьявола в образе монаха, который с нарочитой непристойностью обнажился, будто бы по естественной нужде. Когда Фома окликнул – бесстыдника, он тотчас исчез. Тот же Фома жалуется на дьяволов, которые компрометировали кельнское монашество, устраивая по ночам пляски на пригородных полях и одеваясь для этих балов своих в белые ряссы.

Из животных дьявол, в старину, охотнее всего являлся драконом или змеем. Но дракон не всегда метаморфоза черта, иногда он – сам черт и есть, в подлинном своем виде. В

⁶ Фома Кантипратийский (Tomas Cantimpratensis), монах, писатель XIII века (1201–1270), сперва августинец в Катемпрэ (Catimpre, близ Камбрэ (Cambrai)), потом доминиканец, читал богословие в Лувэне, проповедовал в Бельгии, Франции, Германии. Ему принадлежат многие жития в «Acta Sanctorum» Боллаидистон. Писал латинские стихи и упреждал Метерлинка сочинением «Bonum universale de Apibus» («Всемирно-благое поучение от пчел»), книгою аскетической морали, в которую он из образа жизни пчел извлекает урок и для великих и малых мира сего. Приписывают ему также перевод Аристотеля, но, без сомнения, ошибочно.

румынском языке оба они – и черт и дракон – совершенно совпадают в нарицательном имени дьявола.

В Апокалипсисе Иоанна и Видениях многих святых, Дракон или Змий, несомненно, тождественен дьяволу. В VIII веке Иоанн Дамаскин описывает дьяволов как драконов, летающих по воздуху. Змий, как истинный образ Сатаны, весьма привился к русским фантастическим представлениям в старинной церковной литературе, так и в духовных стихах и сказочной словесности. В старообрядческой литературе этот образ получил особенно широкое и яркое развитие, которым красиво воспользовался Майков в упомянутом уже своем «Страннике»:

Великий змий вселенную обвил
И царствует... Про змия то читаем:
«И было зримо, како по ночам,
Сей змий, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храмину царевой подползал,
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидел, а змий, вздымаясь
По лестнице клубами, поднимался
Вверх до окна и голову свою
Великому царю клал на плечо,
(И так. он был огромен, что лежал
По лестнице всем туловищем темным,
А хвост еще из патриаршей сени
Не вылезал). И так, к цареву уху
Припав, шептал он лестные слова...
«Не слушай честных старцев, о царю!
И старых книг, владыко, боронися!
Бо тесноты они тебе хотят!
А полюби, царь Никоновы книги:
В них обретишь пространное житье.
И по средам и пятницам всеястье,
И телесам твоим во услажденье
Все радости мирские и утехи»».

Иногда, однако, дракон является существом гораздо более телесным, чем дьявол, и как бы средним между бесом и животным. Таковы все безусловно смертные драконы – людоеды романского и германского эпоса, многие змеи наших русских богатырских былин и сказок. Иногда, наконец, дракон просто страшное животное, природная сила, злость и безобразие которого сделали его любимцем Сатаны, охотно принимающим его образ для удобнейшего исполнения своих злодейств.

Чтобы надоедать людям, мучить их и пугать, дьявол не брезгует никаким животным видом. Рыкающими львами бродили бесы в пустыне вокруг св. Антония, ползали у его ног змеями и скорпионами. Слишком тысячу лет спустя св. Колета видела их лисицами, жабами, змеями, улитками, мухами и муравьями. В XIII веке св. Эгидий угадал дьявола под панцырем гигантской черепахи. В образе льва демон убил мальчика, которому, однако, св. Елевеерий, епископ турнэйский (Tournay, город в Бельгии), возвратил жизнь. В образе ворона демон являлся не менее часто, чем в образе дракона, и точно также не всегда можно определить, приемлемый ли это дьяволом вид или его собственный, Черный цвет ворона сделал его символом, демона в католическом искусстве, особенно в архитектурных укра-

шениях средневековых церквей. Ворон, для св. Евкра, обозначает черную душу грешника (*nigritude peccatoris*), а св. Мелитон переводит его символ прямо демоном (*corvi: daemones*) (Auber). Во всяком случае, долголетний, черный и мрачный ворон – великий любимец дьявола, унаследованный последним от эллинского Апполона и германского Вотана, «Ворон черту молится»: это великорусское присловье сохранил Некрасов в своей повести «Кому на Руси жить хорошо». Совершенно дьявольским существом является фантастическая птица «морской ворон», во фламандских сказках; одна из них обработана Гейнрихом Гейне в изумительной балладе о «Германе веселом герое». Другую читатель может найти в моей книге «Мифы жизни»: «Царевна Аделюц». Наши русские сказки также знают Ворона Вороновича – полуптицу, полудемона который, подобно бесу-змею, похищает красавиц и сражается, с богатырями. Таковы же вороны «железные носы», залетевшие в русские сказки из арабских «1001 ночи».

Не лучшей змея и ворона репутацией пользуются летучие мыши, – св. Ведаст видел однажды, как дьяволы, взлетев стаями нетопырей, помрачили белый день, – сова и коршун. Когда черт не целиком нетопырь, то крылья у него – от нетопыря взяты. Относительно собаки Запад расходится с Востоком. На последнем, собака, друг человека, считается врагом дьявола, на Западе же она – его обычное превращение. Эта двойственность весьма старого происхождения. По дуалистическим легендам, представляющим собой смесь воспоминаний о манихейской космогонии и финно-тюркских сказок, бог и дьявол творили мир вместе, пока не рассорились из-за дьяволова непослушания, озорничества и проказ. Адама бог творил уже один, сложив его из «восьми частей». «И поиде очи имати от солнца и остави Адама единого лежаща на земле. Приеде же окаянный сатана, ко Адаму и измаза его калом и тином и възгрями. И прииде господь ко Адаму и восхоте очи вложити, и виде его мужа измазана, и разгневался господь на дьявола и нача глаголати: окаянне дияволе, проклятый! не достоин ли твоя погибель? что ради – человеку сему сотворил еси ты пакость – измаза его? и проклят ты, буди! И диявол исчезе, аки молния, сквозь землю от лица господня. господь же снем с него пакости сатаны и. смесив со Адамовыми слезами, и в том сотвори, собаку, и постави собаку и повеле стрещи Адама; а сам. отъиде в горний Иерусалим по дыхание Адамлево. И прииде вторые Сатана и восхоте на Адама напустите злу скверну, и виде, собаку при ногах Адамлевых лежащу, и убояся вельми Сатана. Собака начала зло лаяти на диявола; окаянный же Сатана взял древо и истыка всего человека Адама, и сотвори ему 70 недугов». Здесь собака является слугой бога, стражем человека, тварью благотельною.

Но то же самое предание, в сказаниях мордвы и черемисов, варьируется совсем в другом направлении. «Юма, создавши человеческое тело, отправился творить душу, а к телу приставил пса, который тогда еще не имел шерсти. Злой Керемет произвел такой холод, что пес едва не замерз; потом дал собаке шерсть, и допущенный к человеку охаркал его тело, и тем самым положил начало всех болезней». В виде пуделя дьявол сопровождал папу Сильвестра II, Фауста, Корнелия Агриппу Неттесгеймского, в собачьем же виде он, обыкновенно, сторожит свои подземные сокровища и клады. Черным козлом возит он ведьм на сборища и председательствует на шабаше. Котом мурлычет в кухне колдуньи и, мало того, по чешскому поверью, каждый черный кот – только до семи лет кот, а потом обращается в дьявола. Надоедливой мухой пристает к монаху, разбивая его молитвенное внимание. И в виде красного шмеля заставляет переживать сладострастные ощущения и писать таковые же стихи талантливую русскую поэтессу М. А. Лохвицкую – Жибер. Имя Вельзевула, как древнего бога филистимлян, обозначало – «князь мух...» – «О, Везельвул, о, царь жужжащих мух» (М. А. Лохвицкая, «Шмель»).

Средние века строили мост между демонологией и зоологией с искренней верой. Целый ряд животных в христианской символике объявлен., был как бы иероглифами дьявола: змей, лев, обезьяна, жаба, ворон, нетопырь и др. И, наоборот, дьявола часто зовут

«скотом» – не только в ругательной метафоре, как показывает один средневековый «бестиарий» (зоологический сборник), в котором дьявол классифицируется как животное, подобное другим зверям (А. Graf). Бесовских зверей видели не только тайновидцы в аду, мистики признавали их и на земле, – и не только в легендарных драконах и василисках, но и, например, в реальной и невиннейшей по существу, жабе. Злополучное пресмыкающееся это горько платилось за свое безобразие. Бесовская репутация установлена за ним в христианстве еще Апокалипсисом:

«И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам:

это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день бога Вседержителя. (XVI, 13, 14). Начиная со II века устами Мелитона Сардинского, и сквозь все средние века жаба несет свое проклятие, зачатое еще в языческой магии и зоологическом баснословии Плиния (Hist, natur; lib. XXX.) В XII веке, у Алэна Великого⁷, у Петра Капуанского, жаба – образ похабных поэтов, еретиков и ... философов – материалистов, обращающих ум свой только к земным предметам! Затем, она сделалась эмблемой жадности, и распутства, а отсюда и бесом, карающим за смертные грехи этой категории. В кафедральном соборе в Пуатье и во множестве старинных церквей Франции можно видеть изображение казней, ждущих женщин за жадность, скупость, роскошь и кокетство: жабы и змеи кусают их за груди. На великолепном южном портале в средневековом аббатстве г. Муассака (Moissac; деп. Tarn-et Garonne) интереснейшая скульптурная группа изображает дьявола, со всеми отличительными его признаками, выплевывающего жабу – по направлению к нагой женщине, к грудям которой присосались две змеи, а нижнюю часть живота грызет другая жаба. Аббат Обер, автор «Истории и теории религиозного символизма», отмечает, что жаба в символике лишена «контрастного значения», которое имеется даже у змеи как эмблемы мудрости, а в медном Змии даже проработка Спасителя, у ворона – как спутника св. Бенедикта и т. д. Жаба всегда – порок, грех, животное – дьявол. В этом качестве оно наказывает в немецкой сказке, записанной Гриммами, скупость и жестокость сына, отказавшего в пропитании своему престарелому отцу. Жареная курица, которую недостойный сын обедал после своего жестокого дела, обратилась в жабу и, прыгнув на лицо грешника, вцепилась в него так крепко, что он должен был носить ее и кормить своим мясом уже до самой смерти. Но злоба и месть жабы – демона не всегда воодушевляется столь дидактическими побуждениями, а весьма часто отвечают сами за себя. Цезарь из Гейстербаха рассказывает о молодом человеке, который, найдя в поле такую демоническую жабу умертвил ее. Однако, затем, мертвая жаба преследовала своего убийцу, не давая ему покоя ни днем, ни ночью и не обращая нисколько внимания на смертельные удары, которыми ее снова и снова поражают. Не помогло даже то, что ее сожгли, – она немедленно воскресла из пепла. Наконец, несчастный преследуемый, не видя, другого средства, сдается на капитуляцию – позволяет проклятой жабе укусить его и тотчас же вырезает укушенное место кинжалом. Этой мстью страшная жаба удовлетворилась, удалилась и не показывалась более. Легенду эту не лишне сравнить с индусским поверьем, что человек, убивший нечаянно очковую змею, может искупить свою вину только человеческой жертвой, в силу этого избранная жертва получает рану в бедро, притворяется умершей и затем притворно воскресает, а вытекшая кровь считается жертвой, заменяющей жизнь.»

В одной старинной заклинательной формуле мы встречаем моление к богу об охране земных плодов от червей, мышей, кротов, змей и *других нечистых духов* (А. Graf). Св. Патрикий, св. Готфрид, св. Бернард и многие другие святые предавали анафеме мух и других

⁷ Алэн де Лисле, doctor universalis, философ и поэт XII века, умер в 1203 г. Многие годы занимал кафедру богословия в Парижском университете.

вредных насекомых или гадов, избавляя от них дома, города и провинции. Процессы против животных возбуждались не только в средние века, но и в расцвете Возрождения. В 1474 г. в Вазеле судили и сожгли дьявола – петуха, который надумал снести яйцо. Вызывались на суд обвиняемые и свидетелями животные, вызывались и демоны. Еще в XVII веке иезуит Санистрари д'Амено, если, только не подложно его сочинение, доказывает, что инкубы и суккубы суть животные особого рода, почему и грех прелюбодеяния с демоном, так интересовавший иезуитов Возрождения, он подводит под рубрику скотоложства.

С той же легкостью, как животный вид, обращается дьявол в неодушевленные предметы. Св. Григорий Великий сообщает о монахине, которая стала бесноваться от того, что проглотила дьявола, обратившегося в листик салата. Одного из учеников св. Илария, епископа галатского, дьявол дразнил в виде аппетитной кисти винограда. Другим он представлялся стаканом вина, слитком золота, туго набитым кошельком, деревом, катящейся бочкой, кто-то догадался узнать его даже в виде коровьего хвоста. Опять невольно вспоминаются белогорячечные галлюцинации Ивана из «Тише воды, ниже травы»:

«К нам Иван поступил в припадке величайшего уныния и, боясь быть выгнанным, покуда не пил, не переставая, однако же, слышать голоса, проклинавшие его и выходившие откуда-нибудь из графина или с потолка. Иногда неожиданно он совал в щель между половиками папироску, так как солнечный луч, ударявший в пол, представлялся ему в виде головы, которая говорила: «Нет ли покурить?»»

Джин, кипевший в крови голландских художников едва ли менее, чем водка в крови этого несчастного Ивана, сделал их величайшими и изобретательнейшими иллюстраторами дьявольской трагикомедии, в которой оживала для галлюцината мертвая природа: деревья, камни, строения, домашняя утварь, кухонная посуда, рабочие инструменты.

Одни фантасты получали сатанинские галлюцинации, разбивая свои, нервы алкоголем и пороками, другие, наоборот, взвинчивали себя до них аскетическими подвигами. В препятствиях им, демон не жалел метаморфоз и доходил в последних до дерзости невероятной, перенося превращения свои из мира вещественного в мир невещественный, принимая на себя вид святых, ангелов света и даже девы мариин, Христа и саваофа, симулируя пред каким-либо честолубивым подвижником, чтобы погубить его грехом гордости, полное видение горных небес. Замечательнейшую легенду в этом роде дает Печерский Патерик.

«Препод. Исаакий был богатый купец торопеецкий. Пожелав жизни иноческой, он роздал все свое имение и пришел в пещеру к препод. Антонию, прося пострижения. Антоний принял и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх ее покрылся сырой козлиной кожей, которая на нем высохла, затворился в тесной пещере и молился богу со слезами. Пища его была просфора, и то через день; воду пил он в меру. Антоний приносил ему то и другое, подавая в малое окошко, куда едва проходила рука. Семь лет провел он в таких подвигах, не выходя из затвора, не ложился на бок, но только сидя засыпал ненадолго. С вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны. Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Внезапно пещера озарилась ярким светом. Вошли два светлых юноши. «Исаакий, – сказали они, – мы ангелы и вот идет к тебе Христос – поклонись ему». Обольщенный затворник, не оградив себя крестным знаменем, ни сознанием своего недостойнства, поклонился до земли бесовскому действию, как самому Христу. Бесы воскликнули: «Ты наш, Исаакий, пляши с нами!» Они подхватили, его, начали им играть и оставили полумертвым» (М. Толстой). Превращений своих демоны достигают тем, что сгущают вокруг себя воздух, принимающий угодную им форму, или же, сперва создав эту форму из какого-либо элемента, они входят в нее, как душа в тело. И наконец, они могли вселиться уже в готовые, чужие тела и, овладев ими, пользоваться, пока надо, как собственными. Проникая таким образом в живые тела, они обращали людей и животных в одержимых, бесноватых. Но они могли проникать и в мертвые тела, которые, их силой, получали всю видимость и

деятельность жизни. Данте, устами монаха-братоубийцы Альбериги ди Манфреды, рассказывает страшную судьбу политических предателей: души их мучаются в Птолемеи, третьем отделении ледяного девятого круга, в то время как тела остаются еще некоторое время на земле, как бы живые, движимые и управляемые вселившимися в них демонами, и казнимый в аду человек не знает, что они творят от его имени и в его облике.

Rispose adunque: io son Frate Alberigo:
 Io son quel delle frutta del mal orto,
 Che qui riprendo dattero per figo.
 Oh, dissi lui, or sei tu ancor morto?
 Ed egli a me: come il mio corpo stea
 Nel mondo su, nulla scienza porto.
 Cotal vantaggio ha questa Tolommea,
 Che spesse volte l'anima ci cade
 Innazi che Atropos mossa le dea.
 E per che tu piu volontier mi rade
 Le invetrate lacrime dal volto,
 Sappi che, tosto che l'anima trade,
 Come fec'io, il corpo suo l'e tollo.
 Da un dimonio, che poscia il governa,
 Mentre che il tempo suo tutto sia volto.

Страшную казнь эту считали изобретением Данте, но ему принадлежит только ее психологическое освещение. Мертвец, движущийся дьявольской силой – старинный гость демонологических легенд. Цезарий рассказывает мрачную историю, как в некотором монастыре появился клирик, певший удивительно сладким голосом, так что богомольцы, заслушавшись его, забывали о молитве. Но некий святой отшельник, послушав немного сказал: «– Это не человеческое пение, это голос проклятого дьявола!» – и произнес должные заклинания. Дьявол бежал от них из тела, которое он оживлял, а на церковном полу остался холодный труп давно умершего клирика. Фома Кантипатийский знал благочестивую деву, которую, когда она одна молилась в церкви, дьявол пробовал запугать, заставив двигаться покойника, положенного там в ожидании отпевания; но дева поняв, чьи это штуки, не растерялась, а дала покойнику хорошего тумака по голове, после которого бедняга, конечно же, уже не пошевелился. Наивному рассказу этому не трудно поверить, как далеко не единственному – даже и в новейшие времена – случаю, когда испуганные суеверы пришибали, таким образом, летаргиков и обморочных. Иаков из Вораджо⁸ в «Золотой легенде» своей, пересказывает древнее сказание о дьяволе, вселившемся в тело мертвой красавицы, с целью соблазнить одного злополучного затворника, В «Небожественной комедии» Зигмунта Крассинского, одном из гениальнейших творений европейского романтизма, с поразительной силой и красочностью изображен этот страшный процесс – переселение злого духа в прах мертвой красоты. В житии св. Гильберта дьявол, вселившись в покойника, снял перевоз через реку – с целью топить всех, кто ему вверялся; в другом житии, св. Одрана, дьявол подерживал живым труп одного выгодного ему злодея. Богословы допускали подобные случаи, за исключением того, чтобы дьявол осмелился завладеть телом человека, скончавшегося в благодати и в совершенном мире с церковью, а тем паче – мощами. Однако, на попытки к тому дьявол дерзал неоднократно. Известно апокрифическое сказание о споре между миха-

⁸ Иаков из Вораджо близ Генуи (de Voragine), доминиканец, 1230–1298 гг.: его «Legenda aurea» (Historia Lombardina seu Legenda Saneta) – род католического «Пролога»: собрание житий святых, переполненное самыми невероятными историями.

илом Архангелом и Сатаной из-за тела. Моисеева. Оно вскользь упоминается и в Новом Завете. (Соб. Посл, от ап. Иуды). Казуисты средних веков изъясняли, зачем дьявол добивался овладеть прахом пророка: вселясь в мертвое тело, он создал бы оракул и таким, образом увлек бы Израиль на путь волшебства и идолопоклонства. Эта церковная санкция одного из мрачайших суеверий дорого обошлась многим летаргикам, вроде того, которого пришибла благочестивая дева Фомы Кантипратийского, и значительно содействовала распространению поверья об упырях и вампирах, которое даже в XVIII веке охватывало целые страны с силой почти эпидемической и, конечно, с самыми печальными, отвратительными и жалкими последствиями. С настоящим случаем – с оживлением трупа через вселение дьявола – вампиризм только внешне соприкасается кажущимся сходством, внутренний же смысл и генезис обоих поверий весьма различны.

Какие бы привлекательные и даже святые образы ни принимал на себя – дьявол, он, однако, не мог и в них избыть своего дьявольства. Даже облачаясь в образ прекраснейшей девушки, ангела, либо самой девы мариин, самого христа, он выделял какие-то особые дьявольские флюиды, влияние которых и пугало человеческую природу, и сквозь восхищение и благоговейный восторг к оптическому обману визионер чувствовал сам себя не понимая, внутри души своей только необъяснимый страх, смятение и отвращение. Чувства Маргариты в присутствии изящнейшего адского князя, кавалера Мефистофеля:

Es steht ihm an der Stirn geschrieben,
Dass er nicht mag eine Seele lieben.
Mir wird's so wohl in deinem Arm,
So frei, so hingegehen warm,
Und seine Gegenwart schnurrt mir das Innre zu.

Приближение дьявола было опасно даже, когда он маскировался привлекательно. По словам Цезаря, двое молодых людей заболели после того, как видели его в образе женщины. Но было убийственно, если он показывался в собственном виде или придумывал себе какую-нибудь чудовищную маску, достойную его адской изобретательности. Таким образом он умертвил многих уже одним своим появлением. Фома Кантипратийский говорит, что вид дьявола наводит на человека, оцепенение и немоту. Данте, в присутствии Люцифера, чувствует себя оледеневшим и слабым, – ни мертвым, ни живым:

Come io divenni allor gelato e fioco
Nol dimandar, lettor, che io non scrivo,
Pero che ogni parlar sarebbe poco.
Io non morii, e non rimasi vivo.⁹

Итак, бесконечны были превращения дьявола, бесконечны и обманы, в которые он, своими способностями оборотня, вводил людей. Но бывали святые мужи, – напр. св. Мартин Турский, – которые умели выводить его на чистую воду, распознавая решительно под всякой личиной. Тогда сконфуженный дьявол либо мгновенно исчезал, либо принимал свой всегдашний вид.

⁹ Как я оледенел и ослабел, – не спрашивай, читатель, раз я сам не пишу о том, тем более, что никаких слов не достанет изъяснить это. Я не умер, но и живым не был (Inferno XXXIV).

Глава третья

Государство, силы и средства дьявола

Когда слово дьявол употребляется в единственном числе, оно обозначает или, 1) как имя нарицательное, одного из дьяволов, либо сравнение с дьяволом, или, 2) как имя собирательное, всю дьявольскую расу, весь дьявольский народ (как «турка» вместо «турки», «немец» вместо «немцы» и т. п.), или, наконец, 3) как имя собственное, повелителя дьяволов, князя тьмы.

Дьяволов было не только много, им числа не было. По общему мнению богословов, в возмущении против бога приняла участие десятая доля ангелов. Но были добросовестные теологи, которые, не удовольствовавшись такой неопределенной статистикой, вычислили точное число злых духов. По одному такому вычислению, их не менее 10000 биллионов.

Для такого огромного народа нужно было немало места, а потому дьяволы распределились на жительство по двум областям: в аду и в воздушных сферах. Витая в последних, они получали возможность искушать и мучить живых людей, а первый был устроен для их собственного наказания, одновременно с которым они приводили в исполнение кары, предназначенные умершим. Воздушные квартиры отведены им только до Страшного Суда. Его приговор всех их забьет в ад, и не один из них оттуда уже не выйдет.

Не все дьяволы были равны качествами, положением, способностями. Бесконечна их классификация по месту жительства (водяные – «нептуны», лесовики – «дузии» и т. д.) или по роду деятельности (инкубы, суккубы, и пр.). Так как одному дьяволу лучше удалось одно, другое другому, то отсюда выработалось известное разделение труда, повлекшее за собой нечто вроде социального строя. Казалось бы, дьявол, олицетворение именно беспорядка и смуты, должен быть завзятым анархистом, отрицанием каких бы то ни было государственных и сословных форм. Однако, напротив, св. Фома и многие другие теологи из самых уважаемых нашли в дьявольском народе такую же иерархию, как в сонмах ангелов, и даже более точную, так как у дьяволов есть их собственный, специально ихний глава, тогда как ангелы не имеют иного начальника, кроме бога, который есть владыка всей вселенной, а не только их одних.

В евангелиях от Матвея и Луки и в писаниях – большинства богословов князь и владыка демонов носит имя Вельзевул. Но так же часто зовут его Сатаной и Люцифером. Данте соединил все эти три имени вместе, как определяющие одного и того же великого Дьявола. Но, обыкновенно, это – три разных беса и не одинаковой власти.

О дьявольских чинах упоминают уже в первом христианском веке апокрифическая книга Еноха и Новый Завет. Св. Фома, упомянув о дьяволах высших и низших и, вообще, об иерархическом их устройстве, не входит в дальнейшие подробности. Но подобная сдержанность не могла удовлетворить демонографов, теоретиков магии и, в особенности, ее практиков. Для них важно знать дьявольскую иерархию точно, а также и способности и компетенцию каждого в ней чина, и, по возможности, и каждого отдельного беса. Систему чинов строили двояко: одни демонологи – в зависимости от классификации грехов, вверенных дьяволам, другие – по степени общего могущества и влияния, предполагаемых за известными имя-рек дьяволами.

Данте называет Люцифера императором царства скорби. Для него мир симметрически делится на три великие монархии: высшую небесную – божескую, среднюю, земную – человеческую, нижнюю, адскую – дьяволову. Но идея ада, как царства, не принадлежит Данте, ни даже ни даже средним векам, хотя в средние века она достигает наивысшего развития. Старая на земле, как само государство, она свойственна всем историческим религиям, и

христианство приняло ее из эллино-римского мира уже в весьма тщательно выработанном виде. Понятие об адском *царстве* находится уже в Евангелиях и уже отцы церкви снабжали Люцифера атрибутами верховной власти: скипетром, венцом и мечом, во многих аскетических легендах Сатана изображается сидящим на высоком троне, окруженным царской пышностью, возвышаясь над огромной толпой служителей и свиты. Таким путем народная фантазия выработала мало-помалу целый сатанинский двор, во всем подобный дворам великих государей земли. В волшебной истории Иоганна Фауста, послужившей основой знаменитой трагедии Гёте, мы находим такое расписание чинов: король ада – Люцифер, вице-король-Белиал, губернаторы – Сатана, Вельзевул, Астарот и Плутон. Мефистофель и еще шесть других – в титуле князей. При дворе Люцифера имеется пять министров, один статс-секретарь и двенадцать служебных демонов, в роде флигель-адъютантов (*spiriti familiares*). В других, же магических и демонологических книгах упоминается о дьяволах-герцогах, маркизах, графах, с точным исчислением, сколько легионов дьяволов каждый имеет под своей командой.

В русской старинной литературе подробную картину ада как царства и царского двора Сатаны дает знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне» – роман XVII века, повествующий якобы событие эпохи первого самозванца («бысть убы в лето 7144»). Купеческий сын Савва Грудцын, живучи в городе Орле, Усольском, влюбился в жену здешнего купца Божена Второго и, за обладание ею, продал душу свою бесу, представшему ему в виде доброго товарища и выманившего у него хитростью «богоотметное писание». Но, так как черти большие формалисты, и плутовски добытая расписка, по-видимому, не твердо гарантировала право беса, то он, обманом же, приглашает Савву Грудцына лично поднести ее Сатане: «По некоем же времени поемлет бес Савву, и поидоша оба за град на поле; изшедшим же им их града, глаголет бес Савве: «Брате Савво, веси ли кто есмь аз? ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыных, но несть тако: ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися звати мя братом себе, аз убо всесовершенно улюбих тя в братство себе: но аще хощеши уведати о мне, аз убо *сын царев*; но идем протчее и да покажу ти славу и могущество отца моего»; и сия глаголя, приведе его в пустое место на некий холм и показа ему в некоем раздоле град велми славен; стены и покровы и помосты все от злата чисто блистахуся; и рече ему: «Сей есть град и творение отца моего, но идем убо и поклонимся купно ему; а еже дал ми еси писание, ныне возьму его, сам вручи отцу моему, и великой честью почтен будеши от него». И сия изглаголав, бес отдает Савве богоотметное оное писание. Оле безумие отрока! ведый бо яко некоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаемо бе царем московским, аще бы тогда вообразил на себе образ честного креста, вся бы сия мечты дьявольские яко сень погибли!»

Но на предлежащее обратимся. «Егда мы поидоша оба к привиденному оному граду и проближившимся ко вратам града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы златыми украшены, и со тщанием поклоняющиеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи дьяволу, такожде и Савве. Вшедшим же им во двор царев, паки сретают инии юноши, ризами блистающиеся паче первых, такожде поклоняющиеся им. Егда же внидоша в палаты царевы, абие друзии юноши сретают их, друг другу честию и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в палату глаголя: «Брате Савво! пожди мя zde мало; аз убо шед возвещу о тебе отцу моему, и введу тя к нему; егда же будеши пред ним, ничто не размышняя или бояся, подаждь ему писание, свое». И сия рек, поиде во внутренняя палаты, оставль единого Савву; и помедлив тамо мало, абие входит к Савве, и по семь вводит его пред лице князя тьмы.

Той же сидя на престоле висоце, камением драгим, и златом, преукрашенном, сам же той славой великою и одеянием блистая, окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих, лица же их овых сини, овых багряни, иным же яко смола черны, пришед же Савва предста царя онаго, пад на землю, поклонися ему; вопроси же его царь,

глаголя: «Откуда еси семо, и что есть дело твое?» Безумный же он юноша, подносит ему богоотметное свое писание и вещает: «Яко пришед, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана прием писание и прочет его, обозревся к сквернообразным своим воинном, рече: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне, или ни». И призвав сына своего, Саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчее, и обедуй с братом своим». И тако оба поклонившася царю и изыдоша в преднюю палату, наченши обедати, и неизреченный яди приношаху им, такожде и питье, яко дивится Савве, и глагола: «Яко никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушах, или питий испих»».

Легионы демонов и глава их образуют армию. Демоны по самой натуре своей духи воинственные. Полчища их, противопоставляемые небесному воинству, воображаются устроенными, конечно, по образу земных армий. В житии св. Марии Антиохийской царь демонов является на военной колеснице, в сопровождении бесчисленной орды всадников. Преподобный Петр (ум. 1156) видел однажды, как огромный отряд дьяволов одетых солдатами, двигался ночью через лес. Часто повторяли видения вооруженных полков, несущихся в воздухе, подобно тучам.

Так как ад – государство, а Сатана – государь, то естественно ему иметь и свой государственный совет, в котором обсуждались важные вопросы адской политики, чинился суд, проносились приговоры. Время от времени Сатана, наскучив адским дворцом своим, отправлялся с компанией любимцев на охоту в земных, лесах и проносился ураганом, вырывая с корнем деревья на пути своем, рассыпая вокруг себя ужас и смерть. Артуро Граф справедливо замечает, что государи земли в то время охотились с меньшей стремительностью, но не с меньшим вредом, для полей и пастбищ вилланов. В качестве государя Сатана требовал себе присяги от тех, кто ему предавался.

В вопросе о разумности и знаниях демонов теологи много спорят. Все согласны в одном: после падения демонов разум их затмился настолько, что, если он еще намного превосходил разум человеческий, то далеко ему до разума ангельского. Дьявол знает прошлое, но в настоящем только то, что бог не считает нужным от него скрывать. Некоторые церковные писатели утверждают, что Сатане была неизвестна тайна Христова пришествия и он не узнал в Иисусе вочеловечившегося бога. Действительно, в Евангелии от Матфея Сатана искушает Иисуса условными предложениями: «*Если ты сын божий*, то преврати эти камни в хлеб», – что показывает как бы нетвердую уверенность в том, кого именно он испытует. Это незнание дорого обошлось Сатане, так как, добившись от людей безвинной казни Иисуса, он тем самым способствовал акту искупления и завершил свою собственную гибель.

Расходятся мнения и о том: зная все тайны природы, знают ли демоны также тайны человеческой души? Могут ли они проникать в глубину совести, шпионить наши мысли и чувства? Некоторые отрицают это на том основании, что в таком случае человек оставался бы весь в их власти, совершенно беззащитным против их наущений и искушений. Поэтому демонам не дано видеть душу человека и они только большие физиономисты: по внешним признакам угадывают мысль и волю, читают в уме и чувстве, что, собственно говоря, может делать и человек, но у дьявола в тысячи раз больше умения, опыта и навыка. Другие богословы, и между ними сам князь их, Фома Аквинат, наоборот, полагает, что демоны читают в душе нашей, как в раскрытой книге. Гонорий из Отена (*Augustodunensis*; умер около 1130 г.) думал, что демонам дано знать злые стремления человеческой мысли и воли, добрые же – нет. Дело в том, что свое знание первых дьявол много раз доказывал, внезапно обличая своих заклинателей, при всем честном народе, в самых тайных и сокроуенных грехах их, не исключая и мысленных.

Не менее спорный вопрос – знают ли дьяволы будущее. Большинство теологов высказываются отрицательно: если бы дьявол, зная прошедшее и настоящее, знал еще и будущее, то чем же его знание отличалось бы от знания бога? И как бы бог потерпел, чтобы дьяволы

заранее знали его предназначения через веки веков? Подобным знанием они не обладали и раньше своего изгнания из рая, так как иначе не подняли бы бесполезного восстания. Ведь и добрые ангелы не имеют непосредственного знания будущего, а знают лишь его постольку, поскольку бог допускает их читать мысли его.

Как же объяснить предсказательные способности дьяволов? Ориген говорит, что они узнавали будущее по движению планет; мнение, плохо примиримое со взглядом Лактанция, который именно астрологию признавал ложным изобретением демонов. Св. Августин полагал, что дьяволы не имели непосредственного и прямого знания будущего, но благодаря способности переноситься с места на место быстрее молнии, а также благодаря изощренности своих чувств и интеллекта, они были облегчены в логической работе настолько, что по заключениям настоящего могли воображать и угадывать будущее чуть не наверняка. Св. Бонавентура полагает, что они не знают будущего как возможности, а только угадывают ее как закономерность, так как они великолепнейшие натуралисты и до тончайшего совершенства выучили все законы и тайны природы. Глубокие научные познания дьявола заставляли церковь, подозревать в сношениях с ним каждого ученого и, по возможности, сжигать его, как ученика сатанинского, живым. Данте считает, что философия для дьявола недоступна, так как «в них умерла любовь, а, чтобы быть философом, любовь необходима». Это нисколько не мешает самому Данте вывести превосходным диалектиком черта, который тащит в ад Гвидо ди Мантефельтро, хотя и получившего отпущение грехов от папы Бонифация VIII, причем этот демон сам себя рекомендует своему грешнику «логиком» по профессии:

— А ты, брат, кажется, не думал, что я мастер в логике?
(*Tu non pensavi che io loico fossi?*)

(*Forse*)

Знаменитый Жан Бодэн пишет в своей «Демономании» что славный Ермолай Барбаро, патриарх аквилейский (ум. 1493), вызвал однажды дьявола, надеясь узнать от него, что собственно хотел сказать Аристотель своей энтелехией? Во всяком случае, если демон не силен в философии, то в софистике он богатырь и учитель, и всякий софизм есть адоугодный грех мысли. По этому поводу Пассаванти рассказывает страшную историю об одном парижском студенте, который, умерши в нераскаянии, явился с того света перепуганному своему профессору в плаще, вышитом, софизмами: вот оно что значит злоупотреблять и шулерничать оружием силлогизма!

Итак, философия не давалась демонам настолько, что в ее области их мог бы загонять даже П. Б. Струве. Но, в странном противоречии, они были знатоками богословия, цитировали на память священное писание и рассуждали о таинствах с точностью и определенностью профессиональных теологов. Из уст одержимых, телом которых они завладевали, демоны сыпали текстами из нового и ветхого завета, мнениями и сентенциями отцов и учителей церкви и часто вгоняли в стыд заклинателей, которые вдруг оказывались совершенными невеждами в сравнении с ними. Более того: св. Фурсей присутствовал при диспуте демонов о грехе и наказании даже не с людьми, а с ангелами, — и нечистые не ударили лицом в грязь ни в диалектике, ни в богословии. Известно, что в богословском споре дьявол припер самого Лютера к стенке настолько плотно, что бедный реформатор, истощив все логические аргументы, предпочел просто запустить в него чернильницей.

Впрочем не надо думать, чтобы все дьяволы стояли на одном уровне знаний и умственных способностей. Между ними были свои интеллигенты и невежды, удачники и неудачники, ловкачи и простофили. «Глупый черт», любимец русских сказок, занимает в дьявольщине такое огромное место, что о нем лучше будет поговорить особо. Если дьявол заметно

преуспевал в какой-либо области знания, ад так и пускал его по этой дороге, Цезарий знал дьявола-юриста, по имени Оливера. Он был стряпчим и отлично вел-судебные дела. Фра Филиппо Сиемский рассказывает о некоем Giorgino da Monte Luccio, нотариусе который после смерти своей получил место нотариуса также и в аду и, таким, образом, сделался одним из чиновников царства Сатаны и, следовательно, тоже чертом. Но обычно предпочитают медицину и естественные науки; при их помощи варятся волшебные напитки, превращаются металлы и, вообще, осуществляются всевозможные насилия над материей.

Наука и сила синонимы, а поэтому знание Сатаны делает его «могущественным., духом». Так называет его апостол Матвей. Границы этого могущества определяются трудно. Конечно, оно несравнимо со всемогуществом божьим, но все же велико и грозно. Как мятежник, Сатана сокрушен без надежды на улыбку победы. Но побежденный по совокупности, он мстит за себя непрерывным бунтом в розницу. Он проникает в счастливые обители наших прародителей и вводит в гармонию божественного творчества грех, разлад и смерть. Он наполняет вселенную ядом, своим и побуждает ее к отречению от бога. Он становится «князем мира сего», в пространстве и времени – *Princeps hujus saeculi*. Правда, власти у него ровно настолько, сколько Бог его злобе терпит, но нельзя не признать, что пределы этого терпения чрезвычайно широки и действуя на них, Сатана вооружен и собственной инициативой, и собственной внутренней, а не заимствованной или отраженной силой. Все зло мира истекает из него, и чрезмерность зла дает понятие о гигантском могуществе источника. Искупительное воплощение Христа, конечно, нанесло дьяволу жестокий удар, – настолько, что однажды он, явившись св. Антонию, протестовал, зачем люди продолжают осыпать дьявола проклятиями и ругательствами, тогда как он, после пришествия Христова, стал совершенно бессилен. Но дьявол хитрил. В язычестве умерла, быть может, его абсолютная власть над землей, но не умерла сила. Христос победил его, но не отнял у него оружие, и Сатана сейчас же начал новую борьбу, отвоевывая у победителя человечество, шаг за шагом, душу за душой. И по прошествии нескольких веков по искуплении царство Сатаны опять полно рабами, а картина мира столько же печальна, как перед искуплением.

Распространяясь одинаково как на природу, так и на человека, могущество демонов обуславливается их чудесными способностями. Они могут в мгновение ока переноситься с одного конца вселенной на другой, углубляться в землю и воду, проникать в стихии. Вещественная природа, в особенности, подчинена им. Не надо забывать, что многие еретические секты считали материю творением Сатаны. По мере того как в религиозной идее обострялся контраст между материей и духом, и материя – враг осуждалась на проклятие и гибель, как сила темная и развращенная, – фантазия дрессированных католичеством народов должна была все более склоняться к тому, чтобы видеть в природе великую лабораторию и царство Сатаны. Это одна из причин, почему в средних веках так бедно и скудно было чувство природы: между ней и глазами человека вечно торчала перегородка угрожающего греха. Пусть даже не Сатана создал природу, – во всяком случае, он осквернил ее. Грех, погубивший первых людей, проник также и в природу, и при том, человечество – то омыто кровью Христовой, а природа – нет.

Излюбленные стихии демонов – огонь и воздух. Теологи единогласно признавали за дьяволом самостоятельно распоряжаться атмосферическими явлениями: вызывать бури, сгущать тучи, метать молнии, проливать на землю разрушительные дожди, сыпать градом и снегом. Вой бури есть крик разъяренных демонов. Правда, св. Фома говорит, что подобные волнения производятся во мраке (*artificialiter*), а не средствами природы (*naturali cursu*), но на практике от этого не легче. Данте в Преддверии Чистилища (*Antipurgatorio*) говорит от имени Буонконтэ ди Монтефельтро, без вести пропавшего в битве при Кампальдино (11 июня 1289 г.), что тело его было унесено с поля сражения волнами наводнения, вызванного

причиненной демонами грозой, Фома Кантипратийский считал созданием демонов обманы Фаты Морганы.

Не меньшую власть имели демоны над землей, в центре которой отводилось место для ада. Их делом были или могли быть землетрясения, а тем более извержение вулканов, которые вообще почитались пастями и отдушинами ада. Когда дьявол спешил возвратиться в свой ад кратчайшим путем, он проваливался сквозь землю в любом месте, как в театральный трап.

Не все в природе подчинялось демонам в одинаковой степени. Некоторые вещества и условия местности их как бы притягивали, другие их, наоборот, отталкивали. Дьявол большой любитель романтического пейзажа: его излюбленное пребывание – среди уединенных скал, в ущельях обрывистых гор, в густых и темных лесах, пещерах, провалах, – во всех, угрюмых странах природы, среди которых зловеще движется грозный Самиэль Веберова «Волшебного Стрелка». Думали, что бес в таких местах особенно силен, – потому их и любит. Дуалистические легенды тюрско-финского язычества, усвоенные и славянством, предполагают, что все подобные места даже и сотворены-то Сатаной. Когда бог захотел сотворить землю, то послал Сатану на дно морское за песком. Сатана несколько песчинок слизнул с ладони и спрятал во рту, еще сам не зная, на что они годятся. Когда бог посеял из песка, принесенного Сатаной, землю на водах и благословил ее расти на все четыре стороны света, стали дуться и расти также во рту Сатаны утаенные им песчинки. Терпел-терпел Сатана, но стало не в мочь, и побежал он по новозданной земле, ругаясь, плача и повсюду расплевывая камень, песчаные степи, скалы и целые горные хребты. Уже евреи считали пустыню жилищем злых духов, и всем известно, как последние надоедали селившимся в пустыне аскетам. Из растений черту любезны орех и мандрагора, но ненавистен чеснок. Ему милы уголь и зола, но соль отнимает у него всякую силу, то же действие имеют некоторые драгоценные камни. Из животных жаба его лучший слуга и друг, иногда его воплощение, петух – злейший враг и гонитель.

Во власти над человеком Сатана был ограничен известными условиями: над плотью он имел ее гораздо больше, чем над духом. Тело, плоть, материя, животная часть человека почиталась настолько дружелюбно и подчиненно Сатане, что некоторые еретики думали даже, что человек телесно создан Сатаной, а не богом. Отнюдь взгляд на тело как тюрьму духа, как на зачинщика всякого греха, как на развращенную силу, стремящуюся навстречу воле отца, всех пороков и лжей, как на источник поэтому разлада в жизни человеческой, как на союзника, бесов против бога. Дьявол ценил своего союзника, и ласкал его. Он обольщает тело, награждая его красотой и здоровьем, чтобы оно возгордилось перед бедной, серенькой душой и подавило ее; он обостряет плотские аппетиты вожделения, похоти, умножает его запросы, повышает требования от жизни, так что душа теряется перед ними и должна тянуться на поводу у тела, Либо, наоборот, чтобы лишить душу терпения и довести ее до отчаяния, дьявол мучит тело болезнями и тысячами несчастий, как было это с Иовом многотрадным. Эпидемии и эпизоотии очень часто почитались делом, рук дьявола.

В атаках своих на душу дьявол встречал преграду в свободной воле человека, которую все богословы единогласно считали сильнее его ухищрений. Но правило имело исключения, по которым, во власти Сатаны остаются бесноватые, отлученные от церкви и некрещенные. Что касается первых, то в них душа отправлялась как бы заразой от тела: проникнув в тело, дьявол понемногу просасывался в душу, заставляя одержимого хотеть, думать, говорить и делать то, что угодно Сатане. Довольно трудно понять, как и почему, сталкиваясь в душе одержимого с всемогущим присутствием божественного начала, дьявольское начало могло над ним восторжествовать и вытеснить его из души, подменив его собой. Но принципиальное возражение это не спасло злополучных от всех тяжких последствий, к которым приво-

дили тела их благочестивые меры духовенства и набожных людей, обращенные на сидевших в этих телах узурпаторов души, дьяволов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.